

М. В. Шкаровский*

Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX — начале XXI века

Открытие духовных школ и их развитие при митрополите Григории (Чукове)

После жестоких гонений 1920–1930-х гг., в период Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь начала возрождаться. С возобновлением церковной жизни было тесно связано возрождение в Ленинграде ликвидированного советскими властями в 1928 г. духовного образования. Заслуга воссоздания на берегах Невы богословской школы принадлежит митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову), бывшему ректору Олонецкой Духовной семинарии, Петроградского Богословского института и Высших Богословских курсов. Владыка Григорий осуществил преемственность новой богословской школы со старой, уничтоженной в 1920-х гг.

Уже во время войны священноначалие Русской Православной Церкви поставило в качестве первоочередной задачу подготовить пастырские кадры для восстановления церковных общин. 8 сентября 1943 г. новоизбранный Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) поручил тогда еще архиепископу Григорию как наиболее опытному богослову-педагогу разработать проект организации в стране духовных учебных заведений среднего и высшего типа. 1 октября того же года владыка представил обширный доклад «Об организации богословских школ», получивший одобрение Патриарха и Священного Синода. К докладу были приложены тщательно разработанные «Положение о Богословско-пастырских курсах» и «Положение о Богословском институте» с учебными планами, с предварительным расчетом расходов на их содержание. В дальнейшем они стали основой «Положения об академиях и семинариях»¹. В соответствии с представленным

* © Шкаровский М. В., 2008

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

владыкой Григорием проектом предполагалось учредить Православный богословский институт в Москве и сеть богословско-пастырских курсов в крупных епархиях. Богословский институт и курсы в Москве были открыты 14 июня 1944 г.

2 года эти духовные учебные заведения просуществовали под названиями средняя (курсы) и высшая (институт) духовная школа. Трудности состояли в том, что в послевоенное время, по сравнению с дореволюционным и даже послереволюционным, сильно изменился контингент учащихся, которые в большинстве случаев не имели начального религиозного воспитания. Тем не менее была найдена оптимальная форма богословского образования, впоследствии укоренившаяся и в основных чертах сохранившаяся до 1990-х гг. в виде 2-ступенчатой школы — средней и высшей. С 1946 г. она получила название: первая — духовной семинарии, вторая — духовной академии с 4-летним обучением в каждой. Первые 2 класса семинарии стали пропедевтическими, дающими знание основ вероучения и знакомящими со Священной историей и церковным уставом, способствующими воцерковлению питомцев. Следующие 2 богословских класса давали подготовку, необходимую для пастырской деятельности. В задачу академии должно было входить совершенствование знаний, полученных в семинарии. Кроме дисциплин богословского, церковно-исторического и практического цикла, древних и новых языков, в программу академии включалось также преподавание истории религий, русской религиозной мысли, логики, психологии, философии с метафизикой и христианской педагогики². «Таким образом, замысел следует признать высоким: мыслилось возрождение богословской науки и русской богословской традиции»³. К сожалению, в полном объеме он оказался неосуществленным: помешали противодействие властей, неподготовленность студентов и преподавателей (после репрессий 1930-х гг. в живых остались лишь шестеро наставников дореволюционных духовных академий).

В 1-й половине 1945 г. владыка Григорий приступил к практическому осуществлению своего проекта в северной столице. 15 марта председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов представил на утверждение И. В. Сталина подготовленные архиепископом Григорием предложения об открытии в стране 9 богословско-пастырских курсов, в том числе в Ленинграде. Через несколько дней разрешение было получено⁴. 12 апреля Священный Синод постановил открыть курсы в 8 городах (Ленинграде, Киеве, Одессе, Минске, Луцке, Саратове, Ставрополе, Львове) и предложить просвященным этих епархий «озаботиться подысканием преподавательского состава и помещений для курсов и общежитий» учащихся. 18 апреля официальное извещение об этом постановлении получил владыка Григорий.

В Ленинграде уже к середине мая нашли подходящее здание, в котором раньше размещалась духовная семинария (набережная Обводного канала, дом 19), и, хотя городские и районные власти противились этому, Ленгорисполком 31 июля все же передал его епархии⁵. Здания, в том числе домовая церковь св. апостола Иоанна Богослова, сильно пострадали в годы войны. Требовались значительные средства на проведение ремонтно-восстановительных

работ, но и эта проблема вскоре была решена. За лето 1945 г. верующие собрали необходимую сумму: городские церкви выделили 325 тыс. рублей, а все остальные благочиннические округа окормляемых митрополитом Григорием епархий — еще 150 тыс., и 13 сентября ремонтные работы начались⁶. Общее руководство подготовкой к организации курсов осуществлял митрополит Григорий, а «взять ближайшую заботу» об этом он 15 мая поручил благочинному городского округа протоиерею Николаю Ломакину, который позднее стал заведующим курсами.

С формированием преподавательского состава возникли сложности. Вследствие резко негативных отзывов, поступивших ленинградскому уполномоченному, не были зарегистрированы властями 2 кандидата, намеченные владыкой. Так, о С. А. Купрессове информатор Совета по делам Русской Православной Церкви писал: «В 1944 г. Купрессов встретился в Ленинграде с арх[иепископом] Григорием (Чуковым), между ними завязалось знакомство, и результат: арх[иепископ] Григорий выдвигает его как ректора курсов. Среди духовенства г. Ленинграда, которое знает Купрессова, последний имеет ореол как противник советской власти, как человек реакционно мыслящий». Аналогичный отзыв был написан о протоиерее Алексии Кибардине, в прошлом одном из активных иосифлянских деятелей: «Был близок до революции к царскому дому. После революции встал на непримиримую позицию по отношению к советской власти. Когда возник иосифлянский раскол, Кибардин примкнул к нему и был одним из самых активных руководителей в районе г. Пушкина. В этот самый период активно с церковного амвона выступал против советской власти»⁷. Отвергали власти и всех священнослужителей, ранее подвергавшихся репрессиям. Так, на заявлении протоиерея Алексия Верзина владыке Григорию от 20 июля 1945 г. с просьбой предоставить должность преподавателя истории Церкви уполномоченный поставил резолюцию: «репрессировался», что автоматически означало запрет. В итоге преподавателями стали заведующий протоиерей Николай Ломакин, помощник заведующего протоиерей Сергей Румянцев, священник Василий Раевский, протоиерей Павел Фруктовский, кандидат богословия Н. Д. Успенский и секретарь педагогического совета курсов А. Ф. Шишкин.

12 июня, согласно резолюции Святейшего Патриарха Алексия от 28 мая, было объявлено о начале приема слушателей на 2-летние (открытые уже как 3-летние) Богословско-пастырские курсы лиц старше 18 лет со средним образованием по рекомендациям приходских священников. По указанию архиепископа от 23 июля это объявление разослали через благочинных всем настоятелям приходов Ленинградской, Новгородской, Псковской и Олонецкой епархий для неоднократного прочтения с церковной кафедры. 7 сентября владыка Григорий был назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским, постоянным членом Священного Синода. 22 ноября 1945 г. состоялось торжественное открытие курсов, которое вылилось в праздник верующих ленинградцев. В приветственном письме отсутствовавшего из-за болезни митрополита Григория говорилось: «Ленинградская епархия радостно празднует сегодня открытие среднего духовного учебного заведения для подготовки

богословски просвещенных пастырей православной Церкви. Открываемая сегодня здесь новая богословская школа должна подготовить такие кадры и дать Ленинградской Церкви пастырей, богословски просвещенных, духовно настроенных, православно убежденных, горящих любовью к святой Церкви и верностью к Родине»⁸. После состоявшихся 30–31 октября приемных экзаменов на курсы были приняты 24 человека из 42 подавших прошение о приеме (им предоставили отсрочку службы в армии). Согласно донесению осведомителя Совета по делам Русской Православной Церкви, «эти 24 ученика представляли собой совершенно особые кадры. Сюда пошли люди, выкристаллизовавшиеся при приходах как преданные церковники, по большей части немолодые... “Отцы”, старшие, оказались старорежимно настроенными фанатиками, мечтавшими к тому же скорее попасть на приходы». Таким образом, это были люди, глубоко преданные Церкви, сохранившие верность ей в пору самых тяжелых гонений.

23 ноября 1945 г. начались занятия в отремонтированных помещениях 4-го этажа в левом крыле здания. 28 февраля 1946 г. Совет по делам Русской Православной Церкви разрешил митрополиту Григорию предоставить 10 мест на курсах для подготовки эстонских православных священнослужителей, а также перевести из Таллина назначенного на должность заведующего курсами магистра богословия протоиерея Иоанна Богоявленского, а протоиереям магистру богословия Александру Осипову и кандидату богословия Григорию Алексею разрешить периодический приезд из Таллина в Ленинград для чтения лекций. Их приглашению не смог помешать даже поступивший ленинградскому уполномоченному 1 апреля 1946 г. негативный отзыв о политических взглядах о. Иоанна: «До революции о. Богоявленский жил в пределах Ленинградской епархии, во время революции был репрессирован, находился в Гатчине, откуда и эмигрировал вместе с белыми в Эстонию, прихватив при этом немало, по его словам, церковного имущества. В эмиграции о. прот[оиерей] Богоявленский был выразителем монархических убеждений»⁹. В связи с переходом Богословско-пастырских курсов в следующем учебном году на полный семинарский курс митрополит Григорий 1 июня 1946 г. назначил заведующим о. Иоанна и уволил с выражением благодарности всех прежних, служивших на приходах преподавателей, с тем чтобы новые, богословски образованные профессора и доценты могли все свои усилия направить на развитие духовных школ.

Встав во главе восстановления духовно-учебного дела в Московской Патриархии на посту председателя образованного 4 апреля 1946 г. Учебного комитета при Священном Синоде, владыка Григорий немедленно приступил к возрождению высшей богословской школы в городе на Неве. Решение об организации Ленинградской Духовной академии и преобразовании Богословско-пастырских курсов в семинарию было принято Священным Синодом 1 июля 1946 г. В тот же день митрополит Григорий назначил временное правление Ленинградской Духовной семинарии во главе с ректором о. Иоанном Богоявленским. На первый курс академии из 19 подавших заявление о приеме были приняты 16, а в семинарию из 61 абитуриента — 36, кроме того,

22 человека, успешно сдавшие переводные экзамены, после года обучения на Богословско-пастырских курсах были зачислены на 3-й курс семинарии. Характерно, что из принятых на 1-й курс учащихся около половины составляли недавние участники боевых действий. Датой открытия академии считается 1 сентября 1946 г., когда, согласно резолюции Патриарха на представлении Учебного комитета, ректор семинарии одновременно был назначен и ректором академии. Кроме того, и митрополит Григорий 30 августа написал указ о том, что с 1 сентября Богословско-пастырские курсы преобразуются в духовную семинарию и открывается духовная академия. 4 сентября состоялось 1-е, организационное собрание администрации и педагогического персонала духовных школ. Собрание заслушало уведомление об утверждении Патриархом с 1 сентября в должностях: ректором и профессором протоиерея Иоанна Богоявленского, инспектором и профессором протоиерея Александра Осипова, профессором магистра богословия В. В. Четыркина, доцентом кандидата богословия С. А. Купресома, доцентом кандидата богословия П. Д. Вознесенского, доцентом кандидата богословия Д. Д. Вознесенского, доцентом кандидата богословия Н. Д. Успенского, преподавателем новых языков Е. Н. Бояновскую и преподавателем церковного пения К. М. Федорова. На том же собрании на должность помощника инспектора по духовной семинарии был избран Д. Д. Вознесенский, а ученым библиотекарем П. Д. Вознесенский¹⁰.

Торжественное открытие Ленинградских духовных школ состоялось в праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1946 г. в присутствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I, митрополита Григория, архиепископа Филадельфийского и Карпаторусского Адама. 8 октября 1946 г., в день памяти прп. Сергия Радонежского, после проведения ремонтно-восстановительных работ в здании академии была освящена церковь во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, рассчитанная на 1200 человек. Церковь возродили на прежнем месте, в помещении семинарского храма, закрытого в 1918 г. Прежние святыни храма не сохранились, поэтому иконостас был в спешном порядке изготовлен из фанеры, и иконы были новые. Митрополит Григорий указал настоятелю Князь-Владимирского собора безотлагательно передать в академический храм иконы, находившиеся в алтаре собора и ранее принадлежавшие ленинградской Скорбященской церкви. В ноябре 1947 г. в Иоанно-Богословскую церковь передали чудотворный образ Знамени Божией Матери, до 1943 г. пребывавший в Знаменской церкви города Пушкина (Царского Села), затем вывезенный оккупантами в Прибалтику и в 1945 г. возвращенный в Ленинградскую епархию. С 12 ноября 1947 г. перед ним стали еженедельно читать акафисты. Со дня освящения в академическом храме начались ежедневные утренние и вечерние богослужения, на которых проходили практику в пении, чтении и пономарстве учащиеся. Сначала пел наемный хор, но уже через 2 с половиной месяца был организован 2-й хор из семинаристов, который к концу 1946/47 учебного года полностью взял на себя пение в храме.

23 января 1947 г. на собрании объединенного педагогического совета было заслушано распоряжение митрополита Григория: «Все питомцы дух[овной]

академии и семинарии должны обязательно присутствовать в воскресные и праздничные дни только в своем семинарском храме, участвуя в пении, чтении и прислуживании в алтаре по указанию о. ректора... В отношении церковного пения преподаватель должен позаботиться, чтобы: 1) смешанный хор в конце концов был заменен исключительно студентами, 2) чтобы будничное богослужение было обеспечено достаточными голосами»¹¹.

По понедельникам во 2-м семестре 1946/47 учебного года совершались молебны с акафистами с общенародным пением и духовными беседами. По понедельникам же после вечерни вместо заутрени началось чтение акафиста Казанской иконе Божией Матери, после которого учащиеся со временем стали произносить по установленному доцентом кафедры гомилетики П. Д. Воскресенским порядку проповеди, посещение этого богослужения было обязательным для всех учеников семинарии. Ректор и инспектор проповедовали за каждым праздничным богослужением, а с ноября 1947 г. начались пробные проповеди студентов. 9 октября 1947 г., в престольный праздник, был освящен и водружен на куполообразную кровлю над алтарем храма изготовленный в мастерских академии большой деревянный, покрытый дюралюминием крест¹².

Следует отметить, что духовным школам возвратили далеко не все бывшее здание духовной семинарии — 7575 кв. м из примерно 10 тыс.: разрушенное правое крыло здания, центральную часть и уцелевшую половину 4-го этажа в левом крыле. Для приведения этих руин в порядок требовались огромные восстановительные работы, которыми занимался специально созданный Строительный комитет по восстановлению здания бывшей духовной семинарии. Его возглавлял ректор духовных школ: сначала протоиерей Иоанн Богоявленский, затем епископ Лужский Симеон (Бычков). Членами комитета являлись секретарь митрополита протоиерей Евгений Лукин, инспектор духовных школ: сначала профессор-протоиерей Александр Осипов, затем профессор Л. Н. Парийский, протоиерей Василий Павлов и епархиальный архитектор: сначала А. П. Удаленков, затем А. М. Казанский. При этом в январе 1947 г. районные власти безрезультатно попытались выселить академию и семинарию из уже частично восстановленного дома на основании распоряжения об очистке и обратной передаче школам зданий, занятых в годы войны посторонними учреждениями¹³. Большая часть средств епархии в течение 4 лет направлялась на восстановление зданий академии и семинарии и их содержание (стоимость ремонта за 4 года начиная с 1945 г. составила 3 296 296 рублей, а содержание за 3 года с 1946 г. обошлось в 4 780 195 рублей). К 1956 г. восстановительные работы были завершены. Всего за 1946–1955 гг. на них было затрачено 5867 тыс. рублей. За это время были восстановлены от цокольного этажа разрушенные авиабомбой стены в правом крыле здания, а также флигель во дворе, заменены межэтажные перекрытия, заново перекрыта кровля на всем здании, подключено центральное отопление, осушены подвалы, оштукатурены все фасады, восстановлена канализация во дворах, озеленен передний двор, вымощена булыжником проезжая часть близлежащей дороги и заасфальтированы тротуары. При этом духовным школам при-

ходило вносить высокую и к тому же постоянно растущую арендную плату. Так, в 1954 г. она составила 189 375 рублей, а в 1955 г. — 196 203 рубля¹⁴.

В 1-й год своего существования духовные школы в Ленинграде насчитывали 74 учащихся (28 человек на 1-м курсе семинарии, 30 человек на 3-м и 16 человек на 1-м курсе академии), а преподавательская корпорация состояла из 11 человек (в том числе 3 профессора и 5 доцентов). В дальнейшем число учащихся увеличивалось, росла и корпорация. В 1948 г. владыка Григорий попросил Патриарха разрешить открыть в Ленинградской академии по примеру Московской параллельный 1-й класс для восполнения естественного отсева учащихся и принять 60 человек на 1-й курс семинарии. К началу 1948 г. число преподавателей увеличилось до 15 человек, а обучались в Ленинградских академии и семинарии воспитанники из 30 епархий, в том числе из Ленинградской — 47, Новгородской — 6, Псковской — 13, Латвийской — 16, Эстонской — 16, Московской — 4, Белорусской, Калининской и Краснодарской — по 3, Костромской, Кемеровской и Тарнопольской — по 2 и Ярославской, Тамбовской, Орловской, Саратовской, Челябинской, Чкаловской, Крымской, Львовской, Мордовской, Одесской, Вологодской, Фрунзенской, Полтавской, Мурманской, Рязанской, Кировоградской, Грузии и Чехословакии — по 1 человеку.

Первым ректором был утвержден выпускник Петроградской Духовной академии, опытный пастырь и видный деятель духовного просвещения магистр богословия протоиерей Иоанн Яковлевич Богоявленский (22 июня 1947 г. после монашеского пострига с именем Исидор состоялась его хиротония во епископа Таллинского и Эстонского). Среди профессоров были трое бывших наставников Петроградской Духовной академии: профессор-протоиерей доктор богословия Василий Верюжский, профессор магистр богословия А. И. Сагарда и профессор магистр богословия В. В. Четыркин, а также выпускник Высших богословских курсов 1927 г. профессор магистр богословия Н. Д. Успенский¹⁵. После хиротонии владыки Исидора с июля 1947 г. по апрель 1948 г. должность ректора исполнял профессор-протоиерей Александр Осипов, должность инспектора — доцент-протоиерей Владимир Благовещенский. Со временем оба руководящих поста в Ленинградских духовных школах заняли церковные деятели, осужденные вместе с владыкой Григорием в июле 1922 г. на процессе Петроградского митрополита Вениамина (Казанского). В апреле 1948 г. ректором духовных школ стал епископ Лужский Симеон, до пострижения протоиерей Сергей Бычков, бывший в свое время членом правления «Общества православных приходов Петрограда и его губернии». На посту инспектора с 15 августа 1950 по август 1967 г. находился Л. Н. Парийский, служивший в канцелярии Петроградского митрополита сщмч. Вениамина помощником секретаря. Секретный осведомитель доносил в 1951 г. о том, что в Ленинградской епархии служат немало людей из бывшего Богословского института и из числа почитателей владыки Вениамина: «Первые концентрируются ныне вокруг митрополита Григория, а вторые главным образом вокруг академического храма». Подобных доносов было, очевидно, немало: митрополит Григорий не скрывал своих убеждений и не сторонился

старых друзей ради собственной безопасности. Примером привлечения владыкой Григорием к преподаванию в духовных школах лучших богословских сил, несмотря на противодействие властей, является судьба С. А. Купресо́ва, выпускника духовной и педагогической академий, преподававшего в 1912–1918 гг. в Петроградской Духовной семинарии и входившего в 1918–1919 гг. в Епархиальный миссионерский совет. В 1942–1944 гг. он преподавал литературу в Военно-морском училище, но в 1946 г. митрополит Григорий смог добиться зачисления Купресо́ва доцентом духовной академии, а после защиты магистерской диссертации Купресо́в с 12 февраля 1951 г. до ухода на пенсию в 1960 г. был профессором Ленинградских духовных школ.

Число учащихся духовных школ росло очень быстро. В августе 1947 г. из 78 абитуриентов, сдававших приемные экзамены, в академию и семинарию были зачислены 52, а в 1948 г. из 106 — 67 человек. Общее же число учащихся осенью 1948 г. составило 129 человек, при этом уже весной состоялся 1-й выпуск 20 человек, завершивших учебу в семинарии. Одним из тех, кто начал учебу в Ленинградской Духовной семинарии с самого ее открытия, был известный петербургский протоиерей Василий Ермаков. В своих воспоминаниях он так описывал поступление в нее и учебу: «Летом 1946 г. я ждал вызова, а его нет и нет. Вот уже и август. И неожиданно получаю телеграмму из Петербурга от моего друга Алексея Ридигера [будущего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея II]. Текст короткий: “Вася, приезжай в семинарию”. И, оставив родных, я ринулся в неизвестное будущее... Я опоздал на приемные экзамены, и все же меня приняли. А в октябре всех семинаристов, кто был в оккупации, вызывали в Большой дом. Питерский дух не очень ласков. Учились мы в полуразрушенном здании... Холод, карточная система, но годы эти были освящены надеждой и верой. Наставники были очень заботливы»¹⁶. Вызов в октябре 1946 г. на допрос в НКВД чуть было не закончился отчислением В. Ермакова, так как в возрасте 14–17 лет он находился на оккупированной немцами территории: «Дали волчий билет, чтобы в течение суток я уехал, покинул свою родную семинарию». С большим трудом с помощью руководства духовных школ ему удалось остаться. Но, как писал о. Василий, «еще долго меня царапали, пытаюсь обвинить в предательстве, назвать врагом народа»¹⁷. В духовной академии о. Василий Ермаков в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «О роли русского духовенства в освободительной борьбе нашего народа в начале XVIII века против польских захватчиков», за которую его дважды резко критиковали в советской печати.

Через год после о. Василия, в сентябре 1947 г., в Ленинградскую Духовную семинарию сразу на 3-й курс поступил будущий Патриарх Алексей II, в то время псаломщик таллинской Казанской церкви. Окончив в 1949 г. семинарию, он затем поступил в Ленинградскую Духовную академию, завершив там свое богословское образование в 1953 г. Об этом периоде жизни Первосвятитель вспоминал так: «Здание семинарии еще носило следы прямого попадания авиабомбы. Наставникам и студентам, пережившим ужасы войны, репрессии, но сохранившим святую православную веру, был присущ духовный подъем, который давал силы переносить трудности. Ощущение со-

причастности подлинному чуду возрождения церковной жизни сопровождало нас все годы учебы. С глубокой благодарностью вспоминаю наших наставников, иным из которых, например профессору протоиерею Василию Верюжскому, довелось к тому времени засвидетельствовать свою верность Церкви подвигом исповедничества. Мне вспоминается замечательная плеяда профессоров старой Санкт-Петербургской академии, которые с необыкновенным энтузиазмом восприняли факт возрождения духовных школ, — некоторые из них буквально “спели” свою “лебединую песнь”. Они передавали нам свои знания, свой огромный жизненный опыт и вместе с тем являли пример глубокой веры и православной церковности...

Особое значение для духовного становления возрождавшихся богословских школ имела личность замечательного церковного иерарха приснопамятного митрополита Григория. Получив фундаментальное богословское образование в Санкт-Петербургской Духовной академии в конце XIX века и употребив поистине подвижнические усилия для сохранения на руинах своей родной альма-матер богословского образования еще в двадцатые годы, митрополит Григорий в 1946 г., вопреки невероятным трудностям, сумел возродить некогда сформировавшую его как богослова и пастыря духовную школу. Для всех нас, учившихся тогда в духовных академии и семинарии, владыка митрополит Григорий являлся не только мудрым правящим архиереем, но и заботливым архипастырем. С благодарностью вспоминаю беседы приснопамятного митрополита со мной, молодым студентом академии, перед рукоположением в священный сан. На всю жизнь я сохранил в своем сердце светлую память о дне хиротесии во чтеца, совершенной над воспитанниками нашего семинарского курса владыкой митрополитом Григорием 9 октября 1949 г. Проникновенные слова митрополита Григория о том, что “образовательная задача новой духовной школы должна сливаться и перерастать в задачу воспитания будущих пастырей Церкви”, глубоко отозвались в наших сердцах и определили жизненный путь каждого из нас как путь служения Церкви Христовой. Я не знаю ни одного из выпускников моего семинарского и академического курсов, кто бы не служил нашей Матери-Церкви именно в качестве священнослужителя»¹⁸.

Случаи репрессий в отношении учащихся духовных школ в конце 1940-х — начале 1950-х гг. были не таким уж редкими. Первый арест семинариста произошел уже в 1947 г., еще один — в 1950 г. и т. д. Учащихся изгоняли не только за пребывание в годы войны на оккупированной территории, но и по другим «политическим» причинам. Так 1 апреля 1952 г. под давлением уполномоченного был исключен с 1-го курса академии Михаил Егоровский за религиозное влияние на несовершеннолетнего ученика средней школы Константина Логачева. Кроме того, двум учащимся семинарии был объявлен строгий выговор за то, что они дали Логачеву книги религиозного содержания¹⁹. Власти принимали меры и для того, чтобы ограничить посещения верующим богослужений в академическом храме, который со временем приобрел большую популярность, особенно среди молодежи. 12 марта 1948 г. ленинградский уполномоченный А. И. Кушнарев, ссылаясь на аварийное

состояние здания, в результате чего во время Пасхального богослужения в 1947 г. 32 человека получили травмы, написал митрополиту Григорию о необходимости прекратить допуск верующих «со стороны» в храм: «В здании Ленинградской Духовной академии и семинарии (Обводный канал, 19) разрешено открытие домового церкви. Администрация духовных учебных заведений эту домовую церковь превратила в приходскую с обслуживанием большого количества верующих. Несмотря на неоднократные предупреждения о недопустимости большого скопления молящихся в академической церкви, администрация учебных заведений эти указания не выполняет и по-прежнему использует ее как приходскую церковь. Невыполнение указанных мероприятий повлекло за собой в 1947 г. обвал лестничной клетки с серьезными телесными повреждениями большой группы молящихся, и 10 марта с. г. произошел обвал штукатурки во вновь ремонтируемой комнате (ниже храма). В целях недопущения повторных аварий прошу Вас дать соответствующие указания администрации Ленинградской Духовной академии и семинарии»²⁰.

Владыка Григорий, 16 марта сообщив уполномоченному о том, что причины аварии расследуются и устраняются, фактически ответил отказом на требование преобразовать храм из приходского в домовый: «Считаю нужным пояснить, что храм при духовной академии и семинарии является практической школой для слушателей, как будущих пастырей Церкви. Как таковой, этот храм, будучи домовым, в то же время должен отражать в себе до известной степени весь характер приходского храма, чтобы действительно быть практической школой для отправления всех церковных богослужений, какие требуются в приходских храмах. Поэтому в целях безопасности от скопления народа речь может идти только о недопущении большого числа молящихся в храме, для чего специальная комиссия из технически компетентных лиц должна установить норму, свыше которой не должно быть допускаемо в храм число богомольцев. Это предлагается администрации академии в дальнейшем принять к неуклонному исполнению. До настоящего времени такой нормы установлено не было, делались лишь предупреждения общего характера. Самое увеличение числа богомольцев в академическом храме шло постепенно и стихийно вследствие отсутствия действующих храмов поблизости. Со стороны семинарского духовенства никаких специальных мер для этого не принималось, и ни лично духовенство, ни правление семинарии и академии, ни епархиальное управление не были заинтересованы в увеличении числа богомольцев: никто из духовенства не получал никакого содержания из церковных доходов, а перечислявшиеся на содержание академии и семинарии эти доходы составляли за 1947 г. всего 1/40 часть годового бюджета академии и семинарии (около 75 тыс. рублей в год, при 3-миллионном расходе на содержание академии и семинарии с ремонтом). Таким образом, меры предупреждения, указываемые Вашим письмом, в настоящее время приняты, а в дальнейшем весь вопрос, по существу, упирается в необходимость открытия храма вблизи академии (например Лаврского собора) для отвлечения туда богомольцев»²¹.

Доступ верующим в храм был ограничен лишь временно. Уже в октябре 1949 г. пропуска в академическую церковь отменили, что заметно увеличило

число богомольцев. Причт храма в это время составлял 14 священников и 5 диаконов (3 преподавателя, 2 служащих и 14 учащихся). В дальнейшем популярность Иоанно-Богословской церкви продолжала расти. Это хорошо видно из доклада секретного осведомителя в июне 1951 г.: «Храм, где поют семинаристы (мужской хор, не в пример другим церквам, очень многих привлекает), они же читают и прислуживают, привлекает во множестве женскую молодежь. Сюда ходит верующая часть интеллигенции. Самое значение слов “академия”, “высшая школа Церкви”, “академическая церковь” очень велико. Чуть ли не ежедневно можно бывает слышать, как в митрополичьем садике верующие женщины объясняют: “А тут вот наша академия и наш храм. Да, да! Все, как в любом вузе — и профессора, и доценты, и все для Церкви. Готовят пастырей... Сходите, увидите...”. И ходят, и смотрят, и убеждаются. По праздникам толпы собираются у дверей академии, ибо храм не вмещает всех желающих»²².

В 1952 г. в храме св. апостола Иоанна Богослова вместо фанерного был установлен иконостас из закрытой в 1930-х гг. Красненской церкви. Ранее он хранился в Музыкальном государственном издательстве, и по настоянию митрополита Григория еще 11 мая 1946 г. инспекция государственной охраны памятников искусства и старины дала согласие на перенос этого иконостаса в здание духовных школ. Прежний иконостас передали в Покровскую церковь Мариенбурга (Гатчины). В феврале 1952 г. митрополиту удалось получить согласие инспекции охраны памятников на передачу в академический храм некоторых церковных предметов из различных закрытых храмов, хранящихся в алтаре Петропавловского собора, но дирекция Музея истории Ленинграда, в ведении которой находился собор, категорически отказалась передавать эти предметы²³. Преподавать церковное пение и возглавить академический хор владыка Григорий в 1945 г. поручил заслуженному учителю К. М. Федорову, окончившему Петербургскую учительскую семинарию и регентские классы Певческой капеллы по 1-му разряду.

Важнейшая роль, которую играл владыка в жизни духовных школ, отмечалась и в ежегодных отчетных докладах, предоставлявшихся администрацией духовных школ ленинградскому уполномоченному. Так, например, в июне 1951 г. инспектор Л. Парийский сообщал: «Необходимо упомянуть о чрезвычайно важном значении для Ленинградских духовных школ отношения к ним митрополита Ленинградского и Новгородского Григория. Он является фактическим руководителем всей жизни академии и семинарии. Ничто не делалось без его благословения. Все мероприятия по учебной, административной, хозяйственной и воспитательной сторонам жизни получали направление и утверждение от митрополита Григория. Он требовал от всех строгого и точного исполнения своих обязанностей. Благодаря направляющей деятельности митрополита Григория, по его инициативе и при его ближайшем участии были составлены типовые планы для духовных семинарий и духовных академий и решен справедливо весьма трудный и сложный вопрос о нормах оплаты профессорско-преподавательского труда в духовных академиях с семинариями. В течение учебного года владыка митрополит

посетил уроки и лекции почти всех преподавателей, присутствовал на всех важных событиях духовных школ: на диспутах, на богослужениях, на концертах и вечерах самодеятельности. Он поддерживал старые традиции прежней духовной академии, например совершение Преосвященной литургии в среду на 5-й седмице Великого Поста. К нему приходили студенты и за научными советами, и за материальной помощью. Высоко ценя любовь, внимание и заботы владыки митрополита Григория, совет академии по одному из таких поводов в заседании своем от 2/II-51 г. (журнал № 24) постановил: «Благодарить Высокопреосвященнейшего митрополита Григория за проявляемые им постоянно внимание и отеческое попечение наставникам и воспитанникам Ленинградских Духовных академии и семинарии»²⁴.

Действительно, владыка заботился не только об академическом храме, но и в первую очередь о высоком уровне учебных программ, достойных стипендиях и зарплате преподавателей, о постановке обучения церковному пению, о наличии необходимой литературы. К весне 1947 г. в библиотеке Ленинградских духовных школ имелось всего 9800 книг, брошюр, комплектов периодических изданий, и 19 марта совет академии по указанию владыки обратился к уполномоченному с просьбой содействовать передаче из Публичной библиотеки хранящихся на ее складах и неиспользованных книг бывшей библиотеки Петроградской Духовной академии. Эта просьба была частично удовлетворена. Публичная библиотека вскоре передала духовным школам около 63 тыс. книг, а позднее, в 1950 г., еще 17 тыс.²⁵ Митрополит Григорий обращался с просьбами к Патриарху о возможности получения литературы из Западной Европы, Америки, Прибалтики (Тартуского университета), и к сентябрю 1948 г. библиотечный фонд увеличился до 103 тыс. экземпляров. Митрополит планировал организацию собственного издательства при академии, однако не добился разрешения на это от властей. И в дальнейшем владыка продолжал неустанно заботиться о пополнении библиотеки духовных школ. По указанию митрополита Григория в феврале–марте 1950 г. в библиотеку Ленинградской Духовной академии и семинарии была передана почти вся хранившаяся в храмах города богословская литература, в 1951 г. приобретено 1800 книг и брошюр (в основном по византологии) из собрания профессора В. Н. Бенешевича и т. д. При этом использование и пополнение библиотеки было опутано различными ограничениями со стороны советских властей. Так, например, на собрании объединенного педагогического совета духовных школ от 7 декабря 1946 г. отмечалось: «Пополнение академической библиотеки должно идти только за счет книг... политически безупречных... Книги, вновь поступающие из-за границы, подлежат предварительному... просмотру со стороны ректора или инспектора; ненужные из них для прямых задач академии или одиозные подлежат переадресованию в Совет по делам культов»²⁶.

Одной из основных целей митрополита Григория было превращение духовной академии в научный центр. 26 августа 1952 г. он написал Ученому совету: «В задачу духовной академии, как таковой, наряду с преподаванием общих курсов богословских дисциплин необходимо входит и разработка как

отдельных вопросов преподавания, так и вообще научных богословских проблем. Нахожу необходимым предложить совету академии поручить наставникам академии представить к началу учебного года на обсуждение совета не только планы преподавания своих предметов, но и конкретно указать в них, какую именно научную богословскую работу и в каком объеме каждый наставник предполагает вести в течение предстоящего учебного года». Совет Ленинградской академии к тому времени уже играл роль своеобразного методического центра для всех богословских учебных заведений в стране. В частности, 2 февраля 1949 г. митрополит Григорий предложил ему обсудить и дать заключение по учебному плану Киевской Духовной семинарии, а 28 февраля того же года — по программе Московских духовных школ²⁷.

Проблем и препятствий было множество, жесткая цензура, препятствовавшая распространению религиозных знаний, ограничивала возможности развития образования и церковной науки. Отсутствовали нормальные условия для обеспечения духовных школ учебными пособиями: библиотеки академий и семинарий содержали в своих фондах только дореволюционные издания, собранные в основном из частных пожертвований, поскольку новые книги не издавались (Издательский отдел Московской Патриархии имел право выпускать только богослужебную литературу, но не катехизическую и не учебную). При этом 22 ноября — 20 декабря 1946 г. специальная комиссия провела идеологическую чистку библиотеки Ленинградских духовных школ, в результате чего были изъяты 115 книг, авторами которых являлись «враги народа, изменники Родины, заядлые монархисты и черносотенцы или убежденные белоэмигранты». В числе изъятых оказались труды св. Иоанна Кронштадтского, митрополита Антония (Храповицкого), протоиерея Сергея Булгакова и др.²⁸ Единственным цензурным послаблением было разрешение на изготовление ограниченного количества машинописных копий — в таком виде преподаватели пытались создавать новые учебные пособия, большинство из которых являлись изложением дореволюционных семинарских учебников и лишь некоторые носили характер самостоятельных исследований или богословских концепций. Определенную перспективу создавали дипломные и кандидатские работы выпускников академий, но и они в большинстве своем ставили задачу не столько исследовательской новизны, сколько поддержания достигнутого в России к началу XX в. уровня богословских знаний. Также и нормальные научные контакты со светскими учреждениями (университетами, институтами Академии наук) поддерживались с большим трудом. В условиях изоляции наибольший урон понесли церковно-исторические дисциплины. По требованию властей Учебному комитету Священного Синода пришлось принять постановление об исключении с 1949/50 г. из программы Ленинградской и Московской Духовных академий общеобразовательных предметов: истории философии, психологии, истории русской религиозной мысли и педагогики. Стремясь хотя бы частично обойти этот запрет, митрополит Григорий 28 февраля 1949 г. указал ввести отдельные разделы этих научных дисциплин в программу апологетики, пастырского богословия и истории Русской Православной Церкви²⁹.

Одной из самых сложных была проблема установленной властями жесткой нормы числа учащихся, превышать которую запрещалось. Неоднократные попытки митрополита Григория добиться почти двойного увеличения дозволенных норм приема на первые курсы духовных школ закончились неудачей. И все же владыка смог одержать чрезвычайно важную победу. Под предлогом необходимости подготовки православных пастырей в западных областях страны, где власти в то время боролись с униатами, в июне 1948 г. удалось получить разрешение на открытие в Ленинградских духовных школах единственного в стране сектора заочного обучения³⁰. Первым заведующим сектором, занимавшимся его организацией, с 8 июня около 4 месяцев являлся архимандрит Феоно́ст (Дерюгин), затем с 22 октября 1948 г. по 1960 г. заведующим был профессор С. А. Купресов. Начав свою работу осенью 1948 г., заочный сектор вскоре стал даже более популярен, чем стационарный. Число учащихся не нем жестко не регламентировалось и стремительно росло с каждым годом. Так, если в 1949 г. в Ленинградских духовных школах учились: в академии 11 заочников и 14 в семинарии, то в 1950 г. соответственно 38 и 39, в 1951 г.— 61 и 90, в 1952 г.— 85 и 122, в 1953 г.— 101 и 138, а в 1955 г.— 144 и 252 (т. е. за 6 лет количество учащихся выросло в 16 раз!). В докладе секретного осведомителя 1951 г. отмечалось, что именно заочный сектор представляет «наибольшую опасность»: «Духовные школы через гибкий аппарат заочного сектора, который, существуя при Ленинградской семинарии и академии (единственный в Союзе) и являясь курсами повышения квалификации духовенства, на 1 июня 1951 года насчитывает около полтора ста учащихся и по существу перерос матернюю школу, при которой учрежден, сильно связаны со многими районами Союза. Пропагандная роль сектора растет с каждым днем. Всех прибывающих заочников студентов, как правило, заставляют служить в академическом храме и сводят широко со всем коллективом духовных школ... И слава и влияние Лен[инградских] дух[овных] школ растет с каждым днем. Внешним знаком служит рост самих заочников. Это уже не просто курсы повышения квалификации. Это подковка пропагандистских сил и реальное научение духу единства и духовно-церковного коллективизма, или... соборности»³¹.

В 1949/50 учебном году из духовной академии были выпущены первые кандидаты богословия. Из 7 выпускников двое в дальнейшем стали архиереями: архиепископы Михаил (Чуб) и Никон (Фомичев). Двое других начали преподавать в духовных семинариях, священник Феодор Григорьев вскоре скончался, а еще двое выпускников начали работу над магистерскими диссертациями. Так, священник Николай Петухов в 1952 г. работал в библиотеке академии над монографией «История Ленинградской епархии», приуроченной к 250-летию Ленинграда, которую он собирался представить в качестве магистерской диссертации. К сожалению, празднование юбилея северной столицы в 1953 г. запретили (оно состоялось только в 1957 г.), и этот план не был осуществлен³².

К концу 1949/50 учебного года в Ленинградских духовных школах обучались без учета заочного сектора 114, а через год — 117 человек. Подавляю-

щее большинство их поступало на учебу «через приходы». Так, из 74 человек, учившихся осенью 1950 г. в семинарии, 23 (30%) прислуживали до этого в приходах, 15 (20%) являлись детьми священно- и церковнослужителей, 11 (15%) были «сагитированы духовенством», 7 (10%) ранее являлись монастырскими послушниками и т. п. 65% учащихся имели городское происхождение. 78% до учебы проживали на территории СССР в довоенных границах, а 28% — в западных областях Украины, Белоруссии, в Прибалтике и Молдавии³³.

Большое впечатление на учащихся произвела речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в храме Ленинградской Духовной академии 6 декабря 1949 г., в день памяти св. князя Александра Невского, в которой Первосвятитель нарисовал образ пастыря: «Я рад, возлюбленные отцы и братие, совершить Божественную службу в этом святом храме в день, посвященный памяти святого благоверного великого князя Александра Невского, молитвы которого и благословение которого издавна пребывали над духовной школой, обретшей себе место вблизи его лавры. Мы веруем, что и теперь благословение святого князя Александра пребывает над этим местом и над этим духовным заведением. Мне отраднo видеть, с какой любовью обновлен этот святой храм, хранящий чтимую... святыню — чудотворный образ Царицы Небесной, именуемый “Знамение Божией Матери”. Я знаю, что сюда любят приходить люди Божии не только потому, что здесь хорошо идет служба и хорошо поют, но главным образом потому, что верующий народ видит здесь рассадник духовного просвещения, виноградник, который обещает дать добрые плоды... Православный народ истомился в искании истинных добрых духовных пастырей. Их, верим, немало и теперь, но далеко не так много, как бы хотел православный русский народ и сколько их нужно для блага и процветания нашей православной Церкви. Поэтому, молясь здесь вместе с теми, которые со временем будут пастырями, которые теперь готовятся быть пастырями, русский народ с особой любовью смотрит на них как на будущую надежду Церкви, как на будущих пастырей, чуждых того соблазна, который в недавнее время, как ураган, ворвался в нашу Церковь и которому были, к сожалению, причастны многие и многие пастыри. Православный русский народ очень тонко умеет узнавать и ценить истинного пастыря... Он ищет у пастыря разъяснения слова Божия, ждет, чтобы в проповеди своей указал ему путь, по которому ему надлежит идти; и тогда такому пастырю открывается его сердце»³⁴. Выступал в академии и митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), в частности, 3 января 1951 г. с докладом о работе Всемирного конгресса в Варшаве.

Численность преподавательской корпорации к середине 1951 г. выросла до 19 человек: ректор — епископ Симеон, 4 профессора: Л. Н. Парийский, А. А. Осипов, Н. Д. Успенский и С. А. Купресов, 9 доцентов: А. А. Угрянский, И. И. Зеленецкий, Г. П. Миролубов, М. Ф. Русаков, А. Ф. Шишкин, А. И. Макаровский (с ноября 1951 г. профессор), К. А. Сборовский (с июля 1952 г. профессор), протоиерей Иоанн Козлов (с июля 1951 г. профессор) и протоиерей Андрей Сергеенко, 5 преподавателей: Д. Д. Вознесенский, К. М. Федоров,

священник Михаил Чуб, Е. Н. Бояновская и Н. Н. Нелидова. Через год в составе корпорации было уже 8 профессоров, 7 доцентов и 5 преподавателей. Подавляющее большинство из них окончили дореволюционные духовные академии или другие богословские учебные заведения, например, о. Андрей Сергеенко в 1931 г. окончил Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже. Владыка Григорий всячески содействовал подготовке преподавателями магистерских диссертаций, только после защиты которых они получали звание профессора. В результате в Ленинградской Духовной академии состоялся ряд магистерских диспутов (защит диссертаций на соискание ученой степени магистра богословия): 25 января 1951 г. — Л. Н. Парийского, 2 февраля — С. А. Купресо́ва, 9 февраля — ректора Саратовской Духовной семинарии протоиерея Иоанна Сокала, 4 июня — протоиерея Иоанна Козлова, 30 октября 1951 г. — А. И. Макаровского и 4 июня 1952 г. — К. А. Сборовского. Все члены корпорации не только преподавали, но и активно участвовали в церковно-общественной жизни: писали статьи в «Журнале Московской Патриархии», давали консультации различным отделам Патриархии, поддерживали научные связи с Ленинградским университетом, консерваторией, Публичной библиотекой, Академией наук, создавали новые учебники, распространявшиеся путем перепечатывания через заочный сектор по всей стране, участвовали в международной деятельности Церкви. Например, Парийский, работая инспектором академии в августе 1950 — августе 1967 г., до 1 апреля 1952 г. также являлся секретарем Учебного комитета при Священном Синоде и секретарем редакции «Журнала Московской Патриархии», позднее (с 1958 г.) активно участвовал в межхристианских конференциях в защиту мира. Шишкин в 1947 г. был секретарем экзарха Московской Патриархии в Чехословакии, в начале 1950-х гг. — редактором журнала «Голос православия» в Берлине, в 1960–1961 гг. — ответственным редактором «Журнала Московской Патриархии», с 1961 г. — членом ЦК Всемирного Совета Церквей и т. д.

Митрополит Григорий постоянно стремился усилить состав преподавателей духовных школ, порой преодолевая категорическое несогласие уполномоченного. Одним из самых трудных было назначение профессора-протоиерея Василия Верюжского, который до своего примирения в 1946 г. с Московской Патриархией был одним из руководителей иосифлян, настоятелем их главного собора, храма Воскресения Христова (Спаса-на-крови), и чудом выжил в лагерях и ссылке. Еще 5 июня 1947 г. о. Василию была присвоена ученая степень доктора церковной истории, но лишь в сентябре 1951 г. он смог приступить к преподаванию в Ленинградской Духовной академии, возглавив вновь созданную кафедру византологии и истории славянских Церквей (такой же кафедрой о. Василий заведовал в 1913–1918 гг. в Петроградской Духовной академии).

О трудности этого назначения говорит резко негативное письмо уполномоченного Кушнарёва в Совет по делам Русской Православной Церкви в апреле 1951 г.: «Несколько месяцев назад доцент Лен[ини]градской Дух[овной] академии А. И. Макаровский вошел в контакт с бывшим профессором Петербургской Дух[овной] академии протоиереем Василием Максимо-

вичем Верюжским. Поводом к их сближению послужило поручение, данное Верюжскому Патриархом: дать отзыв на диссертацию Парийского. Напомним, что Верюжский, б[ывший] настоятель храма “Воскресение на крови”, был репрессирован в свое время как заядлый иосифлянин и по возвращении в Ленинград ни разу не служил, продолжая оставаться враждебным к советской власти и не желая участвовать в богослужениях, на которых за советскую власть молятся. Несмотря на это или в уважении к этому, Патриархия всячески поддерживает Верюжского. Ему дали в Москве ученую степень доктора богословия, первую в Советском Союзе, его усердно желали продвинуть профессором в ЛДА, и только несогласие властей воспрепятствовало этому протежированию. При первых же встречах Верюжский заговорил с Макаровским, как с историком, о необходимости открытия в ЛДА кафедры византологии и истории славянских Церквей. Это специальность самого Верюжского. Макаровский ухватился за эту мысль и стал уговаривать Верюжского кандидатуроваться на эту кафедру, если она откроется. Верюжский ответил, что “наученный горьким опытом, палец о палец сам не двинет, но от предложения ему кафедры не отвернется”. Тогда Макаровский составил петицию на имя Патриарха. В Москве к петиции отнеслись благоприятно. Митрополит Григорий ее поддержал, но высказал мнение, что “Кушнарев Верюжского не пропустит”. Макаровский, как человек инициативный и понимающий, что требуется для Церкви, был митрополитом выдвинут, а Патриархом утвержден членом Учебного комитета при Патриархе. В Москве насчет кафедры византологии и истории славянских Церквей начали действовать очень осторожно. Сначала отдельным решением открыли с осени 1951 года кафедры этого предмета в Московской и Ленинградской Духовных академиях. Потом на заседании Учебного комитета, первом с участием Макаровского, стали подыскивать формулу, как протянуть в академию Верюжского так, чтобы власть это проглядела и пропустила.

Выход был найден во временном назначении Верюжского. Вот выписка из этого постановления так, как она отражена в журнале совета академии: Журнал № 31(126) от 23.03.51. Статья 2. Учебный комитет постановил: “Ввиду отсутствия кандидатов для замещения кафедры византологии и истории славянских Церквей в Ленинграде ходатайствовать пред Святейшим Патриархом о временном допущении к чтению лекций... б[ывшего] профессора по тому же предмету Петроградской Д[уховной] а[кадемии] доктора богословия профессора протоиерея В. М. Верюжского”. Резолюция Патриарха: 1951. Февр. 21. Согласен. Постановили: “Принять к сведению... Сообщить... Верюжскому”. Как видно, “трюк” был подхвачен и одобрен Патриархом как вполне соответствующий его собственным желаниям и направленности. Таким образом, Верюжский собирается читать лекции. Кафедра византологии интересна тем, что в ней ставятся непрерывно вопросы взаимоотношения Церкви и государства, затрагиваются общественно-философские проблемы. Кафедра рассматривает проблемы византийских влияний и заимствований в России. При желании она может быть обращена в острое оружие идеологического и политического характера. Здесь все зависит от того, какого рода

человек будет ее вести. Специалистов-византологов при этом исключительно мало, их в Союзе буквально единицы, а Верюжский является несомненной величиной первого разряда, но несомненны также его настроения не только далекого от современности, но и враждебного всему прогрессивному человеку»³⁵.

В дальнейшем о. Василий недолго имел временное назначение и уже после нескольких месяцев преподавания (25 июля 1952 г.) был зачислен на полную ставку профессора. В июле 1953 г. Синод вынес постановление о желательности преподавания литургики лицами в священном сане, поэтому профессор Успенский и доцент Георгиевский, преподававшие этот предмет, были заменены священниками. 30 июля владыка Григорий в числе прочего сообщил уполномоченному о последних постановлениях Учебного отдела и Священного Синода: принятии программы и устава духовных семинарий, обязательности священного сана для преподавателей литургики и гомилетики, назначении единого оклада за уроки в семинариях независимо от ученой степени. Однако не все эти решения оправдали себя, и 14 июля 1954 г. митрополит обратился к Патриарху с просьбой позволить в качестве исключения разрешить профессору Н. Д. Успенскому преподавать литургику, поскольку «трудно найти соответствующего кандидата в академию из лиц в священном сане, который мог бы с достоинством его заменить». Просьба митрополита Григория была выполнена, и Успенский до 1987 г. преподавал в Ленинградской Духовной академии, возглавляя кафедру литургики. В 1957 г. ему была присвоена ученая степень доктора богословия, затем звание заслуженного профессора академии, почетного доктора Фессалоникского университета в Греции и других учебных заведений³⁶.

В те трудные годы владыка ходатайствовал за арестованных и осужденных преподавателей духовных школ. Когда был арестован профессор А. И. Макаровский, митрополит Григорий обращался во все возможные инстанции, а 9 июля 1953 г. отправил письмо в защиту профессора председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Карпову: «Простите за смелость обращения к Вам по делу, которое не имеет прямого отношения к кругу моих обязанностей, но которое тревожит меня, так как касается судьбы человека, подвергшегося большому несчастью. Профессор нашей Ленинградской Духовной академии по русской и общей древней церковной истории Александр Иванович Макаровский 5 марта с. г. был арестован и 21–22 мая городским судом осужден на 10 лет. Суд происходил при закрытых дверях. Известно только, что ему была предъявлена 58 ст[атья]. Дело рассматривалось 16 июня в Верховном суде РСФСР, который отменил конфискацию имущества. Предстоит рассмотрение дела в Верховном суде СССР. Как известно от ведущего дело адвоката, обвинение касалось деятельности Макаровского как преподавателя школы в Эстонии (до перехода его в Ленинградскую академию) и как профессора академии. По сообщению адвоката, в Московском суде все обвинения, касавшиеся прежней деятельности М[акаровско]го, отпали; остался только донос об его деятельности в академии, касающийся специфически религиозных его убеждений. А. И. Макаровский — большая на-

учная сила, пользовавшийся большим авторитетом среди студентов. Не мудрено, что нашлись люди, которые по-своему осветили религиозные убеждения и авторитет М[акаровско]го, может быть даже в целях самореабилитации. Если дело М[акаровско]го таково, как мне его передали, то оно важно для нас с чисто принципиальной стороны (по отношению к марксистским взглядам), было бы желательно, чтобы при рассмотрении его в Верховном суде СССР присутствовал хорошо богословски образованный эксперт и самое дело было вытребовано из Ленинграда. Ведь дело по существу касается принципиальной стороны преподавания богословских предметов и вообще богословского образования. И только с этой стороны я счел возможным беспокоить Вас своим обращением. Не откажите, если это возможно, выяснению этого дела при рассмотрении его в Верховном суде СССР». 24 июля при личной встрече Карпов сообщил митрополиту Григорию, что передал письмо председателю Верховного суда СССР и ему обещали внимательное рассмотрение дела. Макаровский еще несколько месяцев оставался под арестом, но владыка не забыл о пострадавшем профессоре и 12 ноября 1953 г. написал Карпову о необходимости напечатать статью осужденного в «Журнале Московской Патриархии»: «По поводу исполнившегося в 1950 году (18 апреля) 50-летия со дня смерти известного церковного историка, профессора С[анкт]-Петербургской Духовной академии Василия Васильевича Болотова мною предложено было отметить память знаменитого профессора торжественным собранием Совета академии... Составление соответствующей речи было поручено профессору академии А. И. Макаровскому. Составление речи затянулось, а когда она была готова, то проф[ессор] Макаровский по независящим от него обстоятельствам был лишен возможности выступить с ней пред собранием. Ныне, 1–14 января 1954 года, исполняется 100-летие со дня рождения В. В. Болотова, и было бы очень желательно отметить эту дату хотя бы помещением в “Журнале Московской Патриархии” статьи, посвященной памяти проф[ессора] Болотова, написанной проф[ессором] Макаровским. Статья очень ценна по содержанию и достойно изображает личность и научные заслуги проф[ессора] Болотова. Так как автор статьи сейчас находится в изоляции, то является вопрос, можно ли под статьей поставить подпись А. Макаровского или можно ограничиться подписью “А. М.”. Очень прошу Вашего содействия к напечатанию в журнале указанной статьи и указаний относительно подписи под нею»³⁷. Помощь владыки способствовала скорому освобождению Макаровского (уже 26 ноября 1953 г.) и его возвращению к преподаванию в Ленинградской Духовной академии.

Начало 1950-х гг. оказалось не лучшим периодом для духовных школ. Число учащихся на дневном отделении в 1953 г. по сравнению с 1949 г. почти не увеличилось. В полтора раза сократилось число подавших заявление о приеме на 1-й курс академии или семинарии. С 1950 г. не имевших священного сана учащихся стали забирать в армию. Гражданские власти энергично отсеивали абитуриентов по политическим мотивам. Исключение составлял заочный сектор в Ленинграде. Это особенно беспокоило власти, и намеченное на сентябрь 1952 г. открытие подобного отделения в Московских духовных

школах не состоялось³⁸. В последние годы жизни Сталина вновь усилилось политическое и идеологическое давление на Церковь. Так, например, 6 ноября 1952 г. в Ленинградских духовных школах пришлось провести торжественное собрание, посвященное 35-й годовщине Октябрьской революции, на котором инспектор Парийский произнес доклад о значении революции, а академический хор исполнял кантату Александрова о Сталине³⁹.

Ситуация начала меняться после смерти «вождя народов», и митрополит Григорий старался использовать появившиеся возможности. Уже 13 июня 1953 г. он обсуждал с ленинградским уполномоченным вопросы об увеличении числа заочников, временном (на лето) допущении студентов к занятию вакантных мест в приходах и получении духовными школами части их здания, занятой общежитием Ленэнерго. Последняя проблема стояла очень остро. Соседство с общежитием сильно затрудняло учебный процесс в духовных школах, которые испытывали острую нужду в дополнительных помещениях. Еще в январе 1947 г. владыка Григорий добился разрешения Совета по делам Русской Православной Церкви на передачу духовным школам всего здания бывшей семинарии, но городские власти помешали выполнению этого плана. Подобные ходатайства подавались и в 1951–1952 гг.⁴⁰

Летом 1953 г. епархиальное управление предложило Ленгорисполкому заключить договор об освобождении Ленэнерго занимаемой площади с оплатой Церковью ее метража, а также стоимости достройки расположенного неподалеку законсервированного здания, куда предлагалось перевести общежитие. 30 сентября и 30 октября распорядительное собрание духовной академии приняло постановления ходатайствовать о скорейшем разрешении этого вопроса. 28 ноября 1953 г. новый ректор духовных школ профессор-протоиерей М. К. Сперанский обратился с соответствующим письмом к Кушнареву. Он писал, что за 7 лет разрушенное в период блокады здание было полностью восстановлено Церковью, благоустроена прилегающая территория, но в связи с расширением заочного сектора (сейчас 400 учащихся, а в будущем году до 500) помещений для учебного процесса не хватает. Ректор также отмечал, что часть здания духовных школ используется епархиальными мастерскими. Действительно, еще в 1946 г. здесь было налажено изготовление свечей и выпечка просфор, а в июле 1948 г. открыто штамповочное производство нательных крестов. Эти мастерские снабжали своей продукцией не только Ленинградскую, но и Новгородскую, Псковскую, Олонецкую и Эстонскую епархии⁴¹. Весь 1954 г. епархиальное управление неоднократно обращалось в Смольнинское райжилуправление с просьбой об организации технической экспертизы для выяснения состояния той части здания, которую занимало общежитие, но экспертной комиссии назначено не было. 26 января 1955 г. с этой просьбой и также безрезультатно ректор духовной академии обратился к председателю Смольнинского райисполкома, а 30 января изложил обстоятельства дела в рапорте митрополиту Григорию. 3 февраля владыка переслал рапорт Карпову с просьбой о помощи, и через несколько дней в беседе с ленинградским уполномоченным также просил его содействовать скорейшему разрешению вопроса. Вскоре после этого, 1 марта 1955 г., эксперт-

но-проверочный отдел Управления по делам архитектуры Ленгорисполкома провел экспертизу, в акте которой была зафиксирована необходимость срочного капитального ремонта части здания, занятого общежитием⁴². Уже была создана комиссия по отводу части здания от Ленэнерго к Ленинградской Духовной академии, но, к сожалению, до своей смерти митрополит Григорий не успел довести решение дела до конца, и полностью здание передали Академии только в 1987 г.

Когда в 1954 г. советское руководство попыталось развязать новую антирелигиозную кампанию, митрополит Григорий бесстрашно начал активную борьбу с ней и усилил миссионерский дух в своей архипастырской и просветительской деятельности. На уговоры не отправлять резкое письмо в Совет по делам Русской Православной Церкви из-за возможных репрессий владыка ответил: «Ну что же, придется сломать голову, а я все-таки напишу доклад». Согласно сообщениям Карпова, большое значение посланиям митрополита Григория придавал Патриарх Алексий. В конце концов попытка наступления на Церковь в 1954 г. провалилась⁴³. В этот тревожный год 9 октября, в день памяти св. апостола Иоанна Богослова, владыка Григорий произнес перед студентами Ленинградских духовных школ смелую и яркую проповедь: «Мы сейчас видим обострившуюся в нашей печати так называемую “борьбу с религией”. Как относиться к этому нам, характер занятий которых весь сосредоточен на религии? Прежде всего, этому не нужно удивляться. На пространстве всей истории человечества наряду с людьми верующими всегда были люди, не верующие в Бога... Итак, дорогие питомцы нашей духовной школы, не смущайтесь нападками на религию, будьте уверены: нравственное сознание в глубине совести каждого составляет одно нераздельное целое с сознанием религиозным и разорвать их для блага жизни нельзя, как бы ни отрицали это неверующие»⁴⁴. Эта проповедь стала своего рода завещанием владыки Григория.

Преподаватели и учащиеся духовных школ Ленинграда высоко оценивали внимание, которое уделял им митрополит. В день празднования Покрова Пресвятой Богородицы 1/14 октября 1949 г., в актовом зале духовной академии состоялось торжественное открытое заседание совета по поводу присуждения высшей ученой степени доктора богословия владыке Григорию. 19 июня 1952 г. Ленинградский митрополит был избран почетным членом Ленинградской Духовной академии вместе с еще двумя ее питомцами — митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем), митрополитом Новосибирским и Барнаульским Варфоломеем (Городцовым), а также Святейшим Патриархом Алексием I. Вполне закономерно, что с таким руководителем, как митрополит Григорий (Чуков), ко 2-й половине 1950-х гг. Ленинградские духовные школы подошли на подъеме.

Ленинградские академия и семинария в период испытаний в 1950–1980-х годах

Середина 1950-х гг. была относительно благоприятным временем для Церкви, и духовное образование в тот период успешно развивалось. Осенью

1956 г. по сравнению с 1951 г. удвоилось число абитуриентов, сократился отсев из академий и семинарий. Уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви в процесс зачисления новых учащихся почти не вмешивались, следя лишь за непревышением лимитов, установленных для первых курсов. К 1958 г. богословские учебные заведения достигли пика развития за послевоенное время, число учащихся в 2 академиях и 8 семинариях по сравнению с 1951 г. выросло с 705 до 1780 человек. Еще в большей степени увеличилось количество учащихся в самых крупных Ленинградских духовных школах: до 248 на дневном отделении и 500 на заочном⁴⁵. Духовные школы Ленинграда были ведущими в стране. Окончивший в 1958 г. Ленинградскую Духовную академию и затем преподававший в ней до февраля 1960 г. нынешний митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) позднее вспоминал: «В нашей академии была атмосфера лучше. В Московской Духовной академии сказывалось влияние монастыря и наблюдалось показное благочестие... а здесь была здоровая обстановка... Мы были священниками, нам было попроще, потому что мы были лишены опеки помощников инспектора. Из молодых был отец Виталий Боровой, прекрасный преподаватель. Отец Петр Гнедич — своеобразный человек; он хотел построить догматику на святых отцах, но у него не получилось, и его отсюда перевели. В те годы начинал преподавать отец Иоанн Белевцев, но я у него тогда еще не учился. Александр Матвеев — спокойный человек, я у него тоже не учился. Отец Ливерий Воронов тогда еще учился: он был на год младше меня... Лев Николаевич (Парийский) требовал, но требовал по форме, дальше никогда не позволял себе вторгаться. Отец ректор Сперанский был вообще замечательный человек, по-отечески добрый... Михаил Филаретович Русаков организовывал поездки по музеям, водил нас на Реквием в Капеллу. Мы могли пойти в театр, только надо было согласовать с инспектором, чтобы знали, куда ты ушел... Культура в Ленинграде была гораздо выше, народ был действительно столичный, была особая интеллигентность, какой на Руси нам не хватало. Дух в академии был хороший, и не было ни фальшивого “Придите поклонимся...”, и не было излишней открытости миру, светскому образу жизни»⁴⁶. Помимо упомянутых владыкой в академии в то время преподавали и другие известные церковные деятели. Например, в 1953–1957 г. ее доцентом был будущий митрополит Рижский Леонид (Поляков). Всего же к 1958 г. в корпорацию входили 7 профессоров, 9 доцентов и 9 преподавателей.

В связи со значительным увеличением числа учащихся существовавший и ранее недостаток помещений духовных школ резко обострился. Кроме того, была расширена и располагавшаяся при академии епархиальная производственная мастерская: в мае 1956 г. в ней было открыто производство ладана, в июне 1956 г. — производство кадильного угля, 28 ноября 1958 г. начато изготовление иконок на фарфоре, а 21 января 1958 г. открыт пошив церковных облачений. Руководство духовных школ всегда откликалось на епархиальные нужды, в частности, в 1957 г. пожертвовало общине возрождаемого Троицкого собора Александро-Невской лавры 2 комплекта полного обихода богослужебных книг, 6 Евангелий, 200 полотенец и праздничные иконы.

В ноябре 1958 г. ректор академии и семинарии протоиерей Михаил Сперанский направил очередное письмо гражданским и церковным властям с ходатайством о предоставлении духовным школам левого крыла их здания, по-прежнему занимаемого общежитием рабочих Ленэнерго: «Духовно-учебные заведения, Ленинградские православные Духовные академия и семинария в своей деятельности расширяются, количество учащихся с каждым годом увеличивается. Особенно возрос сектор заочного обучения, насчитывающий в текущем учебном году свыше 500 чел[овек]. Занимаемая академией и семинарией часть здания оказывается недостаточной. Аудитории и спальни по своей площади не соответствуют списочному составу классов и курсов. Нет свободного помещения для занятий специальными предметами: негде заниматься хоровым пением, нет помещения для уроков скрипки, фортепианного кружка, археологический кабинет не имеет отдельного помещения, необходимого для хранения ценных экспонатов. Читальный зал может вместить только небольшую часть учащихся. Академическая библиотека, насчитывавшая в настоящее время свыше 180 тыс. томов книг, не обеспечена достаточными помещениями; библиотечные книги размещены частично в коридорах, а книгохранилища перегружены до отказа. Перед академией встает вопрос о прекращении приобретения необходимых книг. Воспитанники не имеют отдельных помещений, где могли бы проводить послеучебные часы, и остаются в классах. Нет помещения для комнаты отдыха, где можно было бы иметь культурный отдых после напряженных занятий. Спальни переполнены, ночью вынуждены открывать двери в коридор. В академической столовой также недостаточно мест. Недостаточны и хозяйственные помещения: бельевая, материальные кладовые и др.». Однако ходатайство снова не возымело действия. На запрос председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Карпова от 4 декабря 1958 г. ленинградский уполномоченный И. В. Чернов 17 декабря ответил: «Ленгорсовет депутатов трудящихся и Смольнинский райисполком, на территории которого расположены духовные учебные заведения, не могут удовлетворить просьбу руководства академии, потому что отсутствует помещение, куда можно было бы разместить рабочих Ленэнерго. А главное то, что ректор и инспектор стремятся расширить контингент учащихся, что, конечно, нельзя считать оправданным. По-прежнему настаиваю на ликвидации заочного сектора, и тогда вопрос о дополнительной площади отпадет»⁴⁷.

Осенью 1958 г. начались так называемые хрущевские гонения на Церковь, и поэтому отказ властей был закономерным. Более того, начали наноситься сильнейшие удары по семинариям и академиям. Государство стремилось сократить число учащихся духовных школ. Юношей, подавших прошения о приеме на учебу, вызывали к себе местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбирания паспортов, удерживали их от поступления. Давили и на приходских священников, дававших рекомендации абитуриентам. Поступающих часто брали на срочные военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов, отказывали в прописке уже принятым.

С 1959 г. отсрочку от призыва в армию перестали давать даже учащимся выпускных курсов, в семинарии стали принимать только отбывших воинскую службу. Время подачи заявлений абитуриентами было ограничено 1 августа. За месяц, остающийся до вступительных экзаменов, списки поступающих пересылались в Совет по делам Русской Православной Церкви, а оттуда уполномоченным на места — для обработки юношей.

В начале 1960-х гг. эти акции переросли в настоящую охоту за каждым желающим поступить в семинарию или академию, число учащихся стало уменьшаться. Так была подготовлена почва для ликвидации духовных учебных заведений, что вело к прекращению «воспроизводства» кадров духовенства. Краткосрочные пастырские курсы, частично выполнявшие эту задачу в 1944–1950-х гг., также были запрещены. 17 июля 1959 г. под нажимом властей Учебный комитет Патриархии принял решение о постепенном свертывании единственного в стране заочного сектора Ленинградских духовных школ. Архиереям не рекомендовалось делать взносы на содержание конкретных академий и семинарий. Вскоре одно за другим закрылись 5 из 8 средних духовных учебных заведений.

Резко ухудшилось и положение Ленинградских духовных школ. Если в 1958 г. на первые курсы дневного отделения академии и семинарии были приняты 60 учащихся, то в 1961 г. из-за противодействия уполномоченного — в 2 раза меньше. Общее число учащихся снизилось к 1962 г. более чем вдвое — до 357 (164 на дневном отделении и 193 на заочном). Постоянно чинились препятствия к поступлению лиц с высшим образованием, и в итоге за 1958–1967 гг. их было принято лишь 3 человека. Особенно тяжело ощущалось фактическое запрещение выпускникам получать места на приходах. 2 декабря 1959 г. в ходе задуманной партийными органами идеологической акции порвал с Церковью и стал антирелигиозным агитатором профессор Ленинградской академии А. А. Осипов, еще в июне 1955 г. лишенный священного сана за второй брак. Эта операция была согласована с органами госбезопасности. Через полторы недели после официального отречения в отдел пропаганды ЦК КПСС поступили 2 аналитических обзора Осипова: «Об общем положении православия в СССР» и «Об антирелигиозной работе», написанных им по заданию КГБ⁴⁸. Постепенно были закрыты все производственные мастерские епархии. В конце 1958 г. пришлось ликвидировать производство ладана и кадильного угля, а 4 ноября — из-за отказа завода имени М. В. Ломоносова снабжать сырьем — закрыть знаменитый цех фарфоровых иконок, изготовивший в 1957 г. подарки для участников Всемирного фестиваля молодежи и студентов. С 1 декабря 1958 г. перестала существовать и мастерская по пошиву церковных облачений. 1 мая 1963 г. из-за прекращения поставки алюминия пришлось закрыть мастерскую по производству нательных крестиков, а 1 октября отказаться от выпечки потребительских просфор, ограничившись служебными. В ноябре 1963 г. Управление торговли перестало выдавать духовным школам муку для церковных нужд.

Еще в ноябре—декабре 1958 г. прошла массовая чистка библиотек приходов и духовных школ, многие книги были изъяты, иностранная литература

поставлена на цензорский контроль. Для ограничения поступления новых изданий выпустили «Инструкцию о порядке пропуска в СССР религиозной литературы и предметов религиозного культа». В плане атеистической работы в Ленинградской области на 1961 г. было записано: «Запретить использование как приходской церкви при семинарии и академии». В этом году прихожанам действительно запретили посещать храм духовных школ. Летом 1961 г. в здании академии пришлось разместить изгнанное из своих прежних помещений Епархиальное управление, на 1-м этаже в правом крыле в небольшой квартире были также размещены покои митрополита и устроена крестовая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы.

В 1962 г. встал вопрос о самом существовании академии и семинарии. В органы власти начали поступать предложения об их полной ликвидации. Одним из таких примеров является письмо члена Коммунистической партии с 1918 г. А. Е. Петрова Н. С. Хрущеву от 27 августа 1962 г.: «Дорогой Никита Сергеевич! Прошу найти немного времени и прочитать то, о чем я часто думаю и думаю и что хотел бы видеть в действительности... Есть в Ленинграде в Смольнинском районе Александро-Невская лавра, бывшая цитадель церковного мракобесия. В этой лавре все время спокойно проживал Ленинградский митрополит, занимая 1609 кв. м жилой площади, которого с большим трудом в этом году переселили в двухкомнатную квартиру. К великому сожалению, в Александро-Невской лавре до сих пор большой дом (№ 17 по Обводному каналу) занят богословской академией и духовной семинарией, где готовятся многочисленные — около 360 чел[овек] — кадры средней и высшей квалификации для православной Церкви... 23 января 1962 г. по этому вопросу беседовал я с первым секретарем Смольнинского районного комитета КПСС тов[арищем] Ананьевым... и посоветовал ему начать потихоньку сбор протоколов собраний трудящихся по организациям с требованием закрыть в Ленинграде богословскую академию и духовную семинарию. Нет сомнения, что трудовой народ города Ленина согласится закрыть эти ненужные учебные заведения и будет просить наше правительство прекратить здесь подготовку кадров мракобесов. Если же в связи с международными условиями закрыть их совсем нельзя, то следовало бы предложить “отцам православной церкви” переместить их куда-либо в глухой район — хотя бы за Полярный круг, где из-за природных условий “продукция” этой кузницы естественно сократится»⁴⁹. Целый номер посвятила «гнезду контрреволюции» в городе трех революций газета «Смена».

В академию перестали пускать посетителей, казалось, что крупнейший центр духовного образования обречен, однако академия не сдавалась и в декабре 1962 г. даже ходатайствовала о возобновлении приема в заочный сектор. Выстоять духовным школам помог митрополит Ленинградский и Ладужский Никодим (Ротов). Как председатель Отдела внешних церковных сношений он энергично стал включать академию в международную деятельность. Сюда зачастили иностранные делегации, профессора академии стали больше ездить на различные богословские конгрессы. Зная о ярко выраженных симпатиях Хрущева к развивающимся африканским странам, митрополит

пригласил на учебу семерых африканцев из Уганды и Кении. Правда, и их пытались любыми способами заставить покинуть академию. К осени 1964 г. четверо африканцев перешли учиться в университет и по заданию советских властей пытались переманить туда трех не последовавших за ними соотечественников. Так, в заявлении преподавателя русского языка академии О. П. Носовой митрополиту Никодиму от 17 октября 1964 г. говорилось: «Уговаривают каждого в отдельности из оставшихся перейти в университет, предлагают деньги (соблазняя их большой стипендией), звонят, поджидают их на улице, запугивают и даже угрожают. Так, они заявили Нянзи, что если он будет продолжать учиться в духовной академии, то в дальнейшем ему будет закрыт доступ в любую советскую высшую школу. От имени Ига Джастина написали в Москву, в Министерство высшего образования и в ЦК ВЛКСМ, письмо с просьбой о его переводе на подготовительный факультет. Не исключена возможность, что подобное письмо они напишут от имени Нянзи и Касози. Ни на один день они не оставляют в покое студентов-африканцев духовной академии». Вскоре владыка добился, чтобы преследование трех африканцев прекратилось, а в дальнейшем на учебу в академию были приглашены новые, в связи с чем в 1965 г. был образован особый факультет африканской христианской молодежи, деканом которого в 1965–1966 гг. был протоиерей Михаил Мудьюгин, бывший доцент Ленинградского горного института⁵⁰.

Хотя духовные школы выстояли, их положение заметно ухудшилось. К лету 1965 г. число учащихся в Ленинградских академии и семинарии по сравнению с 1958 г. сократилось в 5 раз — до 150 человек. Подобная ситуация была типичной. В результате в Церкви с каждым годом все острее стала ощущаться нехватка священнослужителей. Умирали последние представители дореволюционного духовенства. Архиереи вынуждены были рукополагать лиц не только без духовного образования, но часто и малограмотных. Не сумев до конца ликвидировать духовные школы, государство пошло по пути жесточайшего контроля над ними. Уходила из жизни старая профессура, новым же преподавателям чинились всяческие препятствия. Запрещалось издавать пособия, преподавать общеобразовательные дисциплины (психологию, логику, историю философии, историю литературы), необходимые для усвоения богословия. Власти опасались всесторонне подготовленных священнослужителей. Именно с конца 1950-х гг. начала осуществляться целенаправленная кадровая политика по качественному изменению состава духовенства.

После окончания открытых гонений, с середины 1960-х гг., число учащихся Ленинградских духовных школ вновь начало расти. В 1967 г. оно составило 203: в академии 65 человек на дневном отделении и 27 на заочном, а в семинарии соответственно 70 и 41. Это встревожило ленинградского уполномоченного Г. С. Жаринова, и 28 марта 1967 г. он направил в Совет по делам религий докладную записку, в которой описал состояние духовных школ и предложил ряд мер по ограничению их деятельности. По официальным данным, к этому времени с 1946 г. в академию были приняты 444 человека (окончили 257), в семинарию — 659 (окончили 311). Из числа учащихся и препода-

давателей получили ученые степени доктора богословия 2 человека, магистра богословия — 12 и кандидата богословия — 255 человек. За 1957–1967 гг. было подано заявлений: в семинарию 552 (зачислено 282), в академию — 340 (зачислено 255). Значительную часть из поступивших составляли молодые церковнослужители, поэтому уполномоченный предлагал заняться уменьшением числа работающих в храмах лиц молодого возраста. Жаринов констатировал, что, хотя за минувшие 10 лет из духовных школ Ленинграда 35 человек были призваны в армию, 30 из них после окончания службы продолжили учебу.

Основные предложения уполномоченного сводились к следующему. «1. Необходимо, чтобы от поступающих в семинарию требовалась рекомендация приходского священника, заверенная правящим епископом. Желательно, чтобы эта рекомендация рассматривалась Учебным комитетом Патриархии, администрацией духовной школы и самими рекомендующими как своеобразное поручительство за абитуриента и как направление его на учебу. Это повысит ответственность рекомендующих лиц за рекомендуемых и, по-видимому, позволит уполномоченному Совету заблаговременно знать о тех лицах, которых местный епископ намеревается рекомендовать на учебу в семинарию, а значит, и влиять на окончательное решение этого вопроса... 2. Своевременная информация соответствующих уполномоченных Совета о поступивших из их областей заявлениях на учебу также позволит организовать лучшую проверку подавших заявления лиц. В этой связи важно, чтобы срок приема заявлений в духовные школы был строго ограничен и выдерживался бы администрацией духовных школ... 3. Считаю, что приниматься в семинарию должны только лица, имеющие среднее образование, а с 7–8 летним образованием приниматься только в порядке исключения. Лица с образованием ниже 7 классов не должны приниматься вовсе. 4. Необходимо также, чтобы в духовные школы не принимались лица с признаками психических заболеваний. 5. ...Думаю, что было бы правильно, если бы Учебный комитет Патриархии разработал и рекомендовал духовным школам единую программу по преподаванию Конституции, предусмотрев в ней разбор и изучение советского законодательства о культурах, правильное освещение понятий о свободе совести, советской демократии, преимуществах советского социалистического строя и т. д. ... 6. В целях развития у учащихся духовных школ политического и культурного кругозора целесообразно ввести регулярное (1–2 раза в месяц) чтение лекций по социально-экономическим международным и естественно-научным вопросам силами лекторов общества “Знание”; больше практиковать экскурсии в музеи, памятные места, организовывать просмотр кинокартин и театральных постановок... По-видимому, имеются все основания рекомендовать Учебному комитету Патриархии окончательно закрыть заочный сектор в Ленинграде, а остатки учащихся перевести в Московскую Духовную академию»⁵¹.

Почти все предложения Жаринова осуществились. В 1968 г. был окончательно ликвидирован заочный сектор, прием новых учащихся на него был прекращен еще в 1963 г. Однако благодаря энергичным усилиям митрополита

Ленинградского и Новгородского Никодима Ленинградские духовные школы сохранились и даже упрочили свои позиции. Владыка лично выступал перед учащимися с лекциями, в последние годы жизни читал курс по истории Русской Православной Церкви. Митрополит Никодим практиковал литургическое творчество. Так, при нем в храме духовных школ в праздник трех святителей — Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова — литургия совершалась на греческом языке и по греческому чину. По инициативе владыки Никодима в этом храме стали служить литургию апостола Иакова в день его памяти. Иногда в крестовой церкви в покоях митрополита совершали литургию обучавшиеся в академии священники и диаконы из Эфиопии. Почти все поступавшие в епархию по завещаниям или другими путями книги владыка передавал в академическую библиотеку, туда же позднее поступило и его личное собрание.

13 октября 1966 г. протоиерея Михаила Сперанского на посту ректора сменил о. Михаил Мудьюгин, вскоре принявший монашеский постриг с именем Михаил и 6 ноября 1966 г. рукоположенный во епископа Тихвинского. 30 июля 1968 г. владыка Михаил был переведен на Астраханскую кафедру, и с 9 августа обязанности ректора стал исполнять бывший инспектор духовных школ архимандрит Герман (Тимофеев). 28 ноября он был назначен ректором, а 6 декабря 1968 г. хиротонисан во епископа Тихвинского. Должность ректора владыка Герман занимал до своего назначения на Венскую кафедру 25 июня 1970 г., а на посту инспектора его сменил протоиерей Владимир Сорокин, ставший также членом Учебного комитета при Священном Синоде. Духовником Ленинградской епархии и академии 12 сентября 1966 г. митрополит Никодим назначил чтимого верующими, неоднократно подвергавшегося арестам и гонениям со стороны советской власти священника Владимира Каменского († 28 июля 1969 г.). 25 июня 1970 г. ректором духовных школ был назначен бывший фронтовик протоиерей Михаил Соловьев. 16 июля он принял монашеский постриг с именем Мелитон, а 26 июля 1970 г. был хиротонисан во епископа Тихвинского. Пост ректора владыка Мелитон занимал до 26 декабря 1974 г. Позднее, в 1980 г., он был возведен в сан архиепископа.

Хотя заочный сектор был закрыт, число учащихся дневного отделения в 1969 г. выросло до 180, а в 1972 г. — до 208 (79 в академии и 129 в семинарии) человек. Из них 30 учились на переименованном из африканского в иностранный факультете. Теперь здесь обучались студенты из Японии, Финляндии, Венгрии, Чехословакии, Бельгии, Австрии, Индии, Эфиопии и ряда других стран. Возглавлял факультет Г. Х. Тельпис, в числе преподавателей были высококвалифицированные наставники. Так, например, обучавшая иностранцев русскому языку О. П. Носова работала переводчицей Отдела внешних церковных сношений и составила первый в стране лугандо-русский и русско-лугандский словарь. Об укреплении зарубежных связей духовных школ свидетельствует тот факт, что на их годовичном акте 9 июня 1971 г. присутствовала группа иностранных гостей Всероссийского Поместного Собора и Александрийский Патриарх Николай VI. В библиотеке академии и семинарии к 1968 г. имелось около 200 тыс. томов, из них около половины на

иностранных языках. С начала 1960-х гг. в библиотеку поступали новейшие западноевропейские и американские богословские энциклопедии, словари, более десятка теологических журналов.

Новые тенденции встревожили Совет по делам религий, и 29 июля 1971 г. он принял постановление, согласно которому был усилен контроль над Ленинградскими духовными школами. В докладной записке от 13 октября 1972 г. ленинградский уполномоченный сообщил, что после выхода постановления он особое внимание уделял контролю за отбором поступающих в семинарию лиц, воспитанию гражданских чувств учащихся, «их политической лояльности, преодолению церковно-религиозной ограниченности и фанатизма», усилив при этом «индивидуальную работу с преподавательским составом». Однако Жаринов не смог скрыть неприятных для него фактов: постоянный рост заявлений о приеме в семинарию (в 1970 г.— 80, в 1971 г.— 121, в 1972 г.— 130), «наплыв заявлений» с Украины, преобладание среди поступающих рабочих и детей рабочих (более 55%), увеличение среди учащихся доли лиц с высшим и средним специальным образованием, прием в семинарию перешедших в православие католиков. Среди принятых мер уполномоченный назвал личное проведение 3-часовой беседы с выпускниками семинарии 7 июня 1972 г., предложение администрации духовных школ устраивать политинформации, обсуждения советских книг, подготовку выставки достижений СССР в связи с предстоящим празднованием 50-летия образования Советского Союза и др. Жаринов предлагал установить контроль за зачислением иностранных учащихся и не использовать «грубые нарушения законности». (В качестве примера такого нарушения уполномоченный привел арест на 15 суток учащегося Ленинградской семинарии Павла Кочкодана. Летом 1972 г. в Стрыйском районе Львовской области арестованного юношу заставляли подать заявление об уходе из семинарии.) Подобные «силовые» методы воздействия в тот период уже применялись относительно редко, однако давление на абитуриентов продолжалось еще долго. Так, 29 июня 1972 г. Жаринову поступило письмо от ивано-франковского уполномоченного: «Нами установлено, что ряд религиозных фанатиков готовят для поступления в духовные семинарии. Подготовка их ведется таким образом, чтобы личности этих кандидатов не были известны общественности. В целях недопущения к учебе такой категории лиц просим по мере поступления заявлений о приеме в духовные семинарии жителей нашей области незамедлительно информировать нас для принятия соответствующих мер». Сам Жаринов 25 декабря 1972 г. написал донос молдавскому уполномоченному о получении некоторыми молдаванами, учащимися Ленинградских духовных школ, религиозной литературы из Румынской Патриархии, предлагая пресекать подобные «неправомерные акции»⁵².

Несмотря на противодействие советских властей, в 1970-х гг. в жизни Ленинградских духовных школ произошли заметные перемены к лучшему. Прежде всего была в достаточной степени решена проблема кадров, в преподавательскую корпорацию влилось новое поколение из числа выпускников академии, к 1978 г. в ней состояло только 2 профессора, получивших

богословское образование в прежних школах: протоиерей Михаил Сперанский и Н. Д. Успенский. Члены академической корпорации стали частыми гостями на представительных богословских встречах, снискав заслуженный авторитет. Духовные школы обрели международную известность, в них стали обучаться студенты и из стран, где православное богословское образование находилось на достаточно высоком уровне: из Греции, Югославии, Болгарии, США. Увеличился не только контингент учащихся, заметно повысился и их образовательный и интеллектуальный уровень. Были организованы и плодотворно заработали новые кафедры, для успешного взаимодействия которых создана координационная группа. Тогда же были намечены основные принципы специализации и сделано перераспределение предметов для углубленного их изучения, введены в практику семинары. Именно в 1970-х гг. были сделаны первые после 1917 г. шаги в области библеистики. Созданная в 1969 г. в Ленинградской академии библеистическая группа опубликовала в 1975 г. в «Богословских трудах» материалы, посвященные деятельности существовавшей в Петрограде в 1915–1929 гг. Библейской комиссии, обратилась к трудам профессора Петербургской Духовной академии И. Е. Евсеева и занялась подготовкой критического издания славянской Библии. На VIII генеральной ассамблее Всемирного братства православной молодежи Синдесмос⁵³, проходившей 18–25 июля 1971 г. в Бостоне, ленинградские духовные школы стали полноправными членами организации. Это произошло при непосредственном участии владыки Никодима и тогда еще иеромонаха, а ныне митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева), который участвовал в работе ассамблеи и был избран членом исполнительного комитета Синдесмоса⁵⁴.

9 октября 1976 г. состоялся торжественный акт по случаю 30-летия Ленинградской Духовной академии, на котором выступил митрополит Никодим. Обозревая ее исторический путь, владыка остановился на задачах, стоящих перед богословской наукой. Он отметил, в частности, принципиальную значимость всестороннего изучения Священного Писания, поскольку только на его основе может развиваться подлинное богословское творчество. В свою очередь, последнее будет плодотворным, если впитает в себя опыт патристической традиции⁵⁵. Это выступление митрополита стало его духовным завещанием академии.

26 декабря 1974 г. ректором ленинградских духовных школ был назначен архимандрит Кирилл (Гундяев). 14 марта 1976 г. он был хиротонисан во епископа Выборгского, 2 сентября 1977 г. возведен в сан архиепископа и занимал пост ректора около 10 лет. Владыка Кирилл активно продолжал линию на развитие международных связей духовных школ. В октябре 1976 г. в Ленинградской академии состоялась официальная встреча богословов православных и реформаторских Церквей. Четыре представителя академии участвовали в богословских собеседованиях 19 июля 1977 г. в Москве с делегацией Епископальной Церкви США. На IX генеральной ассамблее Синдесмоса, проходившей в июле 1977 г. в Шамбези (Швейцария), преподаватель Ленинградской академии игумен Августин (Никитин) был избран вице-президентом организации и с этого момента до 1983 г. деятельно участвовал в ее

работе, будучи переизбран на свой пост второй раз в августе 1980 г. На XI ассамблее в августе 1983 г. вице-президентом Синдесмоса был избран преподаватель Ленинградских духовных школ С. П. Рассказовский. Он активно работал на этом посту 3 срока — до 1992 г., будучи переизбранным на XII и XIII генеральных ассамблеях. 7–8 октября 1977 г. по линии Синдесмоса в Ленинградской академии прошел международный семинар «Церковь в современном мире», а в сентябре 1979 г. представители академии выступили на богословской конференции «Свидетельство и служение» в Париже.

Преподаватели Ленинградских школ активно участвовали во встречах межправославной богословской комиссии по подготовке православно-лютеранского диалога (1978–1980 гг.) и заседаниях объединенной комиссии всеправославно-лютеранского диалога (с 1981 г.) В сентябре 1979 г. в академии состоялась встреча членов ее корпорации с представителями богословских факультетов евангелическо-лютеранской Церкви Финляндии в Хельсинки и Турку. Профессор-протоиерей Ливерий Воронов активно работал в Межправославной богословской комиссии по подготовке диалога с англиканами и участвовал в заседаниях Объединенной англикано-православной комиссии по доктринальным вопросам (1981–1984 гг.). В апреле 1979 г. в Ленинградской академии прошел семинар по подготовке к Всемирной конференции «Вера, наука и будущее», состоявшейся летом 1979 г. в Кеймбридже (США). Делегацию Русской Церкви возглавлял архиепископ Кирилл, который был и одним из президентов конференции. В 1980 г. подобную делегацию на Всемирной конференции по миссии и евангелизации «Да придет Царствие Твое» в Мельбурне (Австралия) возглавлял почетный член Ленинградской академии митрополит Антоний (Мельников).

Весной 1981 г. в стенах Ленинградской академии состоялась встреча региональных секретарей молодежной рабочей группы, входящей в программу Всемирного совета церквей (ВСЦ) «Образование и обновление». В период 1961–1984 гг. членами ЦК ВСЦ были 6 представителей Ленинградских духовных школ: архиепископ Кирилл, профессор-протоиерей Ливерий Воронов, профессор-протоиерей Николай Гундяев, профессор Н. А. Заболотский, доцент А. Ф. Шишкин и священник Николай Тетерятников. Два бывших генеральных секретаря ВСЦ Ю. Блейк и Ф. Петер были избраны почетными членами Ленинградской академии⁵⁶.

Используя международные контакты, архиепископ Кирилл смог открыть регентское отделение при духовных школах. Ленинградский уполномоченный был категорически против, но ректор, «организовав» прошения православных финок о желании учиться в Ленинграде, все-таки смог добиться разрешения. В декабре 1979 г. было основано регентское отделение с 4-летним сроком обучения. На нем стали учиться не только девушки, но и юноши. Позднее многолетним заведующим отделением был М. И. Ващенко из числа первых выпускников.

В 1984 г. состоялось празднование 175-летия духовной академии, которому был посвящен специальный юбилейный выпуск «Богословских трудов». К этому времени Ленинградские духовные школы с момента их возрождения

окончили 1423 выпускника, степени кандидата богословия были удостоены 367, магистра богословия — 25, а доктора богословия — 12 человек. Большинство выпускников завершили учебу уже после окончания хрущевских гонений. Так, в 1971–1987 гг. Ленинградская Духовная семинария выпустила 721 человека, Академия — 202. В 1984–1986 гг. обязанности ректора исполнял архимандрит Мануил (Павлов).

Для дальнейшего развития духовных школ северной столицы многое сделал занявший в 1986 г. ленинградскую кафедру нынешний Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Позднее он вспоминал: «Принимая долгие годы участие в развитии духовного образования на посту председателя Учебного комитета и возглавляя 4 года Санкт-Петербургскую митрополию, я, в меру отпущенных мне Господом сил и возможностей, стремился поддержать воспитавшую меня как пастыря и сформировавшую меня в богословском отношении Санкт-Петербургскую духовную школу. Врученный мне Советом тогда еще Ленинградской Духовной академии диплом доктора богословия я с благодарностью рассматриваю не только как оценку представленного мною труда, но и как выражение признания и моего скромного попечения о деле богословского образования»⁵⁷. Владыке Алексию удалось решить важную проблему, с которой безуспешно пытались справиться его предшественники. В декабре 1986 г. митрополит обратился в Совет по делам религий с ходатайством о предоставлении нового помещения для размещения епархиального управления и митрополичьих покоев. Их положение в небольшой квартире на первом этаже здания духовных школ под требующим ремонта книгохранилищем над свечной мастерской и просвирней было крайне неудобным. Ленинградскому митрополиту предоставили в пользование особняк на Каменном острове, в связи с чем академия получила освободившиеся помещения. В 1987–1988 гг. духовным школам была наконец передана часть их здания, несколько десятилетий использовавшаяся в качестве общежития рабочих Ленэнерго и учебного комбината.

Во 2-й половине 1980-х гг. по-прежнему активно развивались международные связи. 3–9 февраля 1986 г. в Ленинградских духовных школах прошла международная консультация Синдесмоса, в которой участвовали 74 представителя 19 богословских школ, в том числе впервые из Румынии, Кении, Грузии и Армении. В августе 1986 г. на XII генеральной ассамблее Синдесмоса в организацию был принят в качестве нового члена регентский класс при Ленинградских академии и семинарии. После этой ассамблеи сотрудничество Ленинградских духовных школ с Синдесмосом заметно укрепилось.

В 1987 г. в связи с интенсивной подготовкой к празднованию 1000-летия Крещения Руси впервые за многие годы была нарушена изоляция духовных школ и возобновлены научные контакты со светскими учреждениями: университетами, институтами Академии наук, музеями. Преподаватели академии и семинарии участвовали в подготовке и проведении ряда посвященных этой дате научных конференций. Одна из них состоялась в феврале 1987 г. в актовом зале Ленинградской академии.

22 июня 1987 г. митрополит Алексий освободил от руководства духовными школами протоиерея Николая Гундяева и назначил исполняющим обя-

занности ректора профессора-протоиерея Владимира Сорокина. В дальнейшем Священный Синод и Патриарх утвердили о. Владимира в занимаемой должности. Новый ректор активно занялся освоением переданных духовным школам помещений и ремонтом здания к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Так, 12 мая 1988 г. о. Владимир доложил владыке Алексию, что в ходе подготовки к юбилею проводится капитальный ремонт помещений 2-го и 3-го этажей Учебного комбината; переоборудуется под столовую 2-й этаж; ведется ремонт хозяйственных помещений, осуществляется асфальтирование внутреннего двора. С увеличением помещений росло и число учащихся духовных школ. Никакие препятствия со стороны уполномоченного Совета по делам религий уже не могли сдержать развитие этого процесса. Осенью 1988 г. количество учащихся достигло 447: в семинарии — 250, в академии — 80, на регентском отделении — 87 и на факультете иностранных студентов — 30. Иностранцы представляли более 20 стран: Бельгию, Голландию, Грецию, Индию, Сирию, США, Финляндию, Францию, Эфиопию, Югославию, Японию и др.⁵⁸

Развитие Санкт-Петербургских духовных школ после 1988 года

Существенные изменения церковно-государственных отношений в год празднования 1000-летия Крещения Руси способствовали преобразованиям в сфере богословского образования. В 1989 г. начали открываться новые семинарии, академии, появились школы нового типа — духовные училища с 2–3-летним сроком обучения, заметно выросло число учащихся. При этом Санкт-Петербургские (до 1991 г. Ленинградские) духовные школы наряду с Московскими все-таки оставались ведущими богословскими учебными заведениями, располагавшими наиболее квалифицированными научно-исследовательскими кадрами, лучшей материальной базой и имевшими возможность принимать самых подготовленных абитуриентов. На Архиерейском Соборе 1989 г. было принято определение о реорганизации структуры и содержания учебного процесса так, чтобы в короткий период обеспечить обязательное высшее богословское образование для пастырей Церкви на базе духовных семинарий, но из-за кадровых и финансовых трудностей в ближайшие после Собора годы решить эту задачу не удалось. Тогда же впервые появилась возможность получения церковными учебными заведениями государственных лицензий, однако этому еще долго мешали структурные расхождения между системами духовного и светского образования.

Летом 1989 г. в Ленинградские духовные школы было подано небывало большое количество заявлений о приеме: в семинарию 201 (принято 109 человек) и в академию 26 (принято 22 человека). Общее число учащихся к началу занятий составило 493: в семинарии — 287, в академии — 83, на регентском отделении — 95 и на факультете иностранных студентов — 28 человек. В корпорацию осенью 1989 г. входили 47 человек: 8 профессоров, 8 доцентов и 31 преподаватель, причем один из них, протоиерей Ливерий Воронов, имел

степень доктора богословия, двое — архиепископ Михаил (Мудьюгин) и Н. А. Заболотский — степени магистра богословия и 33 преподавателя — степени кандидатов богословия. Должность ректора занимал профессор-протоиерей Владимир Сорокин, проректора — профессор-протоиерей Василий Стойков, инспектора — протоиерей Георгий Тельпис, декана факультета иностранных студентов — игумен Маркелл (Ветров), заведующего регентским отделением — М. И. Ващенко, а духовником школ явился архимандрит Кирилл (Начис). В связи с появившейся возможностью приглашать преподавателей из других городов и из-за границы в январе—мае 1990 г. 3 лекции по истории обновленческого раскола студентам прочитал архиепископ Куйбышевский Иоанн (Снычев), 3 лекции по истории Русской Церкви и православия в Америке — ректор Свято-Владимирской Духовной академии (Нью-Йорк) протопресвитер Иоанн Мейендорф и 6 лекций по истории церковно-государственных отношений в России и СССР — канадский профессор Д. В. Поспеловский. В том же году о. Иоанн Мейендорф и ставший новым митрополитом Ленинградским и Ладожским Иоанн (Снычев) были удостоены звания почетных членов Ленинградской Духовной академии.

Постепенно возникали и новые формы обучения. В 1988/89 учебном году был создан иконописный класс. Первоначально он состоял из заведующего — иеромонаха Александра (Федорова), хранителя икон, 5 живописцев-преподавателей, 4 реставраторов и 30 учащихся. Занятия проходили по вечерам, но уже в 1991 г. намечалось одну из трех групп учеников перевести на дневную форму обучения. В связи с этим был разработан устав иконописного отделения и составлена смета на год. В классе проводилась реставрация икон из городских церквей, писались новые образы для академического храма, проходили практику глухонемые студенты-художники из Ленинградского восстановительного центра Всесоюзного общества глухонемых. Через 2 года существования класса в нем образовался фонд из почти 200 старинных икон, на базе которого намечалось открыть церковно-археологический кабинет. В 1990/91 учебном году в духовной академии и семинарии было возрождено заочное обучение. 11 декабря 1989 г. состоялось празднование 10-летия основания регентского отделения. На него были приглашены учащиеся всех 9 выпусков. К этому времени хор отделения имел международную известность: летом 1989 г. он выезжал в Швейцарию, с 21 мая по 6 июня 1990 г. провел 5 концертов в Гамбурге, а в следующем месяце выступил в Сиэтле (США)⁵⁹.

После проведения значительных ремонтно-строительных работ студенты академии и иностранцы в 1989 г. жили в новом общежитии, семинаристы — на 4-м этаже основного здания, а учащиеся регентского отделения — в надстроенном дворовом флигеле. В новом просторном помещении в 1990/91 г. был устроен читальный зал на 100 мест, объем выдачи книг вырос в 3 раза, так как появилось много новых читателей из других учебных заведений и светских организаций. Существенно увеличилось и количество хранившейся в библиотеке духовных школ литературы. Так, в 1990 г. академии были переданы книги из библиотеки архиепископа Бельгийского и Брюссельского

Василия (Кривошеина) и находившийся в Англии архив бывшего ректора Санкт-Петербургской Духовной академии архиепископа Феофана (Быстрова).

Постепенно начала развиваться ранее строжайше запрещенная издательская деятельность. В 1989/90 и 1990/91 гг. были подготовлены и размножены на ксероксе 3-й и 4-й сборники лучших семестровых сочинений учащихся, а также учебники по истории Русской Православной Церкви, догматическому богословию и ряд других. Наконец, в 1991 г. первые учебники были напечатаны в типографии: конспекты по Священному Писанию Ветхого Завета для 3-го и 4-го классов, по Библейской истории, по догматике для 2, 3 и 4-го классов. В конце 1980-х гг. выходил настенно-информационный «Вестник Ленинградской Духовной академии», который готовил сотрудник библиотеки А. А. Бовкало. Наконец, в 1990 г. духовные школы после 73-летнего перерыва вновь стали издавать свой журнал. 16 апреля митрополит Иоанн написал резолюцию на рапорте ректора: «Божие благословение на издание ежеквартального журнала «Вестник Ленинградской Духовной академии», который должен стать преемником издаваемого Санкт-Петербургской Духовной академией «Христианского чтения», публиковавшего серьезные богословские исследования, осуществлявшиеся профессорами академии». 20 апреля 1-й номер был одобрен к печати протоиереем Владимиром Сорокиным и вскоре вышел в свет. Постановлением Совета духовной академии и семинарии от 6 ноября 1990 г., утвержденным митрополитом Иоанном, журнал обрел историческое название «Христианское чтение» (существовавшее в 1821–1917 гг.). Главным редактором издания в 1990–1993 гг. был игумен Сергей (Кузьмин), которого сменил протоиерей Владимир Мустафин. Тираж журнала составлял до 5 тыс. экземпляров⁶⁰.

Как только появилась возможность, духовные школы развернули широкую благотворительную деятельность. В 1989–1990 гг. ректор протоиерей Владимир Сорокин занимался устройством в одном из флигелей здания академии церковной больницы имени св. Ксении Петербургской. 11 сентября 1990 г. она была торжественно освящена Патриархом Алексием, с весны 1991 г. в больнице регулярно совершалась литургия священниками — преподавателями духовных школ. 20 февраля 1989 г. о. Владимир написал митрополиту Алексию, что почти год (с лета 1988 г.) учащиеся, преподаватели и прихожане храма св. Иоанна Богослова помогают ухаживать за немощными в 3 больницах, посещают престарелых и больных по местам их проживания, участвуют в делах милосердия и благотворительности. Ректор просил присвоить этому братству наименование «Православное душепопечение святой блаженной матери нашей Ксении Петербургской» и благословить его устав. Вскоре благословение было получено и общество развернуло свою деятельность. В 1991 г. в нем состояло уже 120 человек, которые в свободное время посещали 8 больниц, детский дом, несколько домов престарелых, более 100 частных адресов, где проводили с больными и немощными беседы, чтения, покупали им продукты, распределяли гуманитарную помощь, оказывали помощь санитарного характера, приглашали священников для совершения треб, осуществляли катехизацию взрослых. Всю эту работу курировал ректор, академия предоставляла

транспорт и оказывала другую помощь. 20 декабря 1988 г. о. Владимир известил митрополита Алексия, что 10 декабря, в день траура по погибшим от землетрясения в Армянской ССР, в храме св. Иоанна Богослова было совершено всенощное бдение и Божественная литургия, а также лития о погибших и молебен о пострадавших, денежный сбор в их пользу составил 3 тыс. рублей. 14 декабря хор духовных школ совместно с хором Ленинградского государственного университета участвовал в благотворительном концерте, сбор от которого был полностью перечислен в фонд помощи пострадавшим⁶¹. В соответствии с решением епархиального собрания от 28 мая 1990 г. приходу академии была поручена духовно-пастырская работа в учреждениях УС-20/5 (колонии) в поселке Металлострой, и с того времени ректор занялся строительством храма в колонии и организацией духовного просвещения заключенных. В колонии был построен храм во имя сщмч. митрополита Вениамина Петроградского, освященный в 1992 г. Святейшим Патриархом Алексием II. Вместе с группой учащихся протоиерей Владимир Сорокин посещал и другие места заключения, где совершал Божественную литургию и таинство Крещения. Кроме того, студенческие хоры устраивали благотворительные концерты в тюрьмах и больницах Ленинграда и пригородов. Осенью 1991 г. в духовных школах с благословения митрополита было создано благотворительное собрание св. Иоанна Богослова с целью сбора средств и открытия бесплатной столовой для малоимущих. Вскоре собрание провело Рождественский благотворительный вечер. 14 января 1992 г. бесплатная столовая на Сергиевской улице, открытая по благословению владыки Иоанна, была освящена ректором о. Владимиром Сорокиным.

Духовные школы активно участвовали в научной и просветительской деятельности. 7 декабря 1989 г. в духовной академии прошел межрегиональный богословский семинар Синдесмоса «За жизнь мира». В феврале 1990 г. ряд преподавателей семинарии выступили на проведенном Ленинградской епархией международном научном семинаре, посвященном 75-летию Русской Библейской комиссии. 9–10 марта 1991 г. в духовных школах прошла епархиальная конференция Всероссийского православного молодежного движения, на которой было воссоздано местное отделение движения. 8–9 сентября 1992 г. в актовом зале академии состоялась научная конференция, посвященная 250-летию Санкт-Петербургской епархии. Тогда же в здании духовных школ была открыта выставка документов и фотографий по истории епархии, существующая до сих пор. Резолюцией митрополита Ленинградского Алексия от 5 декабря 1989 г. при духовной академии под председательством ректора была создана группа по вопросу осуществления в Ленинградской епархии рекомендаций Комиссии Священного Синода по изучению материалов, относящихся к реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви. С этого времени профессор-протоиерей Владимир Сорокин уже около 15 лет занимается сбором документов о новомучениках и подготовкой материалов для их прославления в лике святых, а профессор-протоиерей Ливерий Воронов с весны 1989 г. стал членом двух новых комиссий Синода — по изучению материалов, связанных с возможной канонизацией некоторых

почитаемых в народе подвижников веры и благочестия и по изучению материалов о репрессированных духовных лицах и мирянах Русской Православной Церкви. В 1990–1991 гг. с благословения митрополита под руководством ректора работала группа по выработке позиции Ленинградской Духовной академии в отношении опубликованного в прессе проекта Закона о свободе совести и религиозных организациях. По прежнему активно участвовали преподаватели и в международной деятельности Церкви⁶².

Значительный вклад Санкт-Петербургские духовные школы внесли в развитие православного просвещения. В 1988/89 г. при академии и семинарии была открыта воскресная церковно-богословская школа, силами преподавателей и студентов академии с конца 1980-х гг. проводились воскресные лекции и семинары для мирян, а в сентябре 1991 г. при духовной академии было учреждено православное педагогическое общество, зарегистрированное в ноябре 1993 г. Оно представляло собой вечерний факультет для педагогов, окончивших светские учебные заведения и желавших получить богословские знания. К 1996 г. число членов общества выросло до 300 человек. 3 сентября 1991 г. при семинарии были открыты 2-летние Богословско-педагогические курсы по подготовке церковнослужителей, катехизаторов, преподавателей воскресных школ для удовлетворения нужд епархии. Число учащихся ощутимо росло с каждым годом: в 1991/92 г.— 45 студентов и 65 вольнослушателей, в 1992/93 г.— соответственно 55 и 85; в 1993/94 г.— 65 и 95, в 1994/95 г.— 70 и 108, в 1995/96 г.— 90 и 157. Занятия на курсах по вечерам в здании академии проводили преподаватели и студенты духовных школ.

В начале 1990-х гг. в Санкт-Петербурге было создано несколько высших богословских школ, преподавали в них многие профессора и доценты духовной академии. Так, архимандрит Ианнуарий (Ивлиев) с января 1991 г. читал курс лекций в Российском Библейском институте при Ленинградском государственном университете (кроме того, он выступал в лекциями в обществе «Знание», Доме кино и вошел в редколлегию журнала «Мир Библии»), по благословению митрополита Иоанна от 12 октября 1994 г. о. Ианнуарий и архимандрит Августин (Никитин) вошли в состав Ученого совета этого института. Протоиерей Владимир Федоров с февраля 1991 г. преподавал курс «История христианства» в Высшей религиозно-философской школе. В 1992 г. при участии преподавателей духовных школ был организован Санкт-Петербургский институт богословия и философии (ректор П. А. Сапронов), при котором в дальнейшем открылась общеобразовательная школа и стал издаваться журнал «Начало». В 1993 г. духовной академией, Институтом русской литературы РАН и Северо-Западным отделением Российской академии образования был учрежден Российский христианский гуманитарный институт (РХГИ), который в 1995 г. получил государственную лицензию и осуществил первый выпуск бакалавров. Проректором института по религиозным программам и деканом богословско-педагогического отделения стал протоиерей Владимир Федоров. Он возглавил созданное в духовной академии отделение миссиологии, экуменизма и новых религиозных движений. В конце 1993 г. это отделение организовало Христианский междисциплинарный центр по

изучению новых религиозных движений «Диалог — Невский проспект», а в сентябре 1994 г. на базе богословско-педагогического отделения РХГИ — Православный институт миссиологии, экуменизма и новых религиозных движений (директор протоиерей Владимир Федоров)⁶³.

Постановлением Священного Синода от 12 августа 1992 г. протоиерей Владимир Сорокин был освобожден от должности ректора Санкт-Петербургских духовных школ, и эти обязанности около 4 лет исполнял профессор-протоиерей Василий Стойков. Одной из главных проблем, которой ему пришлось заниматься, была борьба за возвращение духовным школам их исторических зданий. Еще 27 ноября 1991 г. мэрия города издала распоряжение передать уже используемый академией и семинарией комплекс зданий в безвозмездное пользование епархии. Через год с небольшим помещения были переданы епархиальному управлению, в них сначала был устроен свечной завод, а позднее разместилось регентское отделение. С возвращением других зданий дело обстояло сложнее. Когда 25 августа 1992 г. митрополит Иоанн обратился к председателю Комитета по экономическому развитию мэрии Г. С. Хиже с ходатайством о выделении земельного участка по набережной Обводного канала, 9 (здание бывшего духовного училища, занятое психиатрической больницей № 6) в пользование христианского благотворительного общества «Душепопечение», эта просьба осталась невыполненной. Не имели успеха и попытки вернуть здание на набережной Обводного канала, 11, занятое фондами Публичной (ныне Российской национальной) библиотеки и частично квартирами, и дома 15, используемого в качестве общежития Прядыльно-ниточного комбината имени Кирова. В результате многих усилий, предпринимавшихся руководством Санкт-Петербургских духовных школ, в начале 1990-х гг. удалось вернуть часть исторического здания Санкт-Петербургской Духовной академии на набережной Обводного канала, 7, которое занимал Индустриально-педагогический техникум. 26 апреля 1993 г. в здании был отслужен благодарственный молебен. Через несколько дней вышло распоряжение мэрии «Об использовании комплекса зданий по наб. Обводного канала, д. 7», согласно которому весь комплекс должен быть передан епархии.

Другой проблемой, которую пришлось решать о. Василию Стойкову на посту ректора, являлось тяжелое экономическое положение духовных школ. Наиболее трудным был 1993/94 учебный год. Безвыходной казалась ситуация осенью 1993 г., когда реальной стала угроза отключения электроэнергии, водо- и теплоснабжения из-за отсутствия средств для оплаты задолженности за коммунальные услуги. Назревал массовый уход с работы обслуживающего персонала, что лишило бы школу необходимого жизнеобеспечения. И только благодаря усилиям Московской Патриархии и личному участию Патриарха Московского и всея Руси Алексия II положение дел с финансированием улучшилось. Помогли и христианские организации из Дании, Норвегии, Финляндии, Германии, Италии и США. Поступала посильная помощь и из российских епархий. Пожертвования шли не только на внутренние нужды школ, но и направлялись другим нуждающимся: Введено-Оятскому монастырю, больнице св. Ксении Петербургской, некоторым восстанавливаю-

щимся приходам, трудившимся здесь ранее пенсионерам, престарелым прихожанам академического храма. В распределении помощи принимали участие воспитанники духовных школ. Решению этой задачи служили беседы по диаконии, которые проводились еженедельно для всех учащихся специалистами, работающими в различных сферах социального служения.

(Окончание в № 1 за 2009 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сорокин В., прот.* 60-летие возрождения духовных школ в Санкт-Петербурге // Христианское чтение. 2006. № 26. С. 5–6.
- ² *Кирилл (Гундяев), архиеп.* Богословское образование в Петербурге-Ленинграде: Традиция и поиск // Богословские труды: Юбилейный сборник, посвященный 175-летию ЛДА. М., 1986. С. 23–24; Христианское чтение. 1997. № 14. С. 23.
- ³ *Шмеман А., прот.* Богословская школа в СССР (1943–1955) // Вестник института по изучению СССР (Мюнхен). 1957. № 1(22). С. 85.
- ⁴ Русская Православная Церковь стала на правильный путь // Исторический архив. 1994. № 4. С. 97.
- ⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб), ф. 9324, оп. 1, д. 25, л. 4, 6; д. 26, л. 29, 31–32, 43; д. 30, л. 74.
- ⁶ Там же, д. 25, л. 75–78.
- ⁷ Там же, л. 1–2; оп. 2, д. 4, л. 37.
- ⁸ Там же, оп. 1, д. 25, л. 59–61.
- ⁹ Там же, оп. 2, д. 1, л. 13; д. 4, л. 11; д. 37, л. 78–79.
- ¹⁰ *Сорокин В., прот.* Указ. соч. С. 14.
- ¹¹ Там же. С. 17–18.
- ¹² ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 13, л. 104–105, 234.
- ¹³ Там же, л. 70–72.
- ¹⁴ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 25, д. 2; ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 60, л. 148.
- ¹⁵ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 60, л. 148.
- ¹⁶ *Ермаков В., прот., Митрофанов Г., прот., Гусев Б.* С Богом в оккупации. СПб., 2002. С. 79.
- ¹⁷ Там же. С. 91.
- ¹⁸ Христианское чтение. 1999. № 18. С. 5; 1997. № 14. С. 12–13.
- ¹⁹ *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 годах: От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995. С. 210.
- ²⁰ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 25, д. 1.
- ²¹ Там же.
- ²² ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 37, л. 83.
- ²³ Там же, д. 52, л. 1.
- ²⁴ Там же, д. 40, л. 56–57.
- ²⁵ Там же, д. 13, л. 15.
- ²⁶ *Сорокин В., прот.* Указ. соч. С. 19–20.
- ²⁷ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 2, д. 3, 7.
- ²⁸ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 4, л. 119–120.
- ²⁹ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 2, д. 3.
- ³⁰ Российский исторический архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 127.
- ³¹ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 37, л. 77, 84.
- ³² Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 25, д. 1.

- ³³ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 37, л. 80–81.
- ³⁴ Настольная книга священнослужителя. Т. 1. М., 1997. С. 719–720.
- ³⁵ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 37, л. 85–86.
- ³⁶ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 25, д. 1.
- ³⁷ Там же, д. 2.
- ³⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 50–84.
- ³⁹ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 25, д. 1.
- ⁴⁰ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 10, л. 55, д. 52, л. 85–86.
- ⁴¹ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 25, д. 1; ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 37, л. 47.
- ⁴² Там же, д. 60, л. 150.
- ⁴³ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ), ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 150, 178–179.
- ⁴⁴ *Григорий (Чуков), митр.* Слово в день памяти св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова // Церковный вестник. 2002. № 8–9. С. 68–69.
- ⁴⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 258, л. 52, 46–74; РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 704, л. 2–3.
- ⁴⁶ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир: К 70-летию со дня рождения // Христианское чтение. 1999. № 18. С. 20–21.
- ⁴⁷ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 60, л. 147–151.
- ⁴⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 85–89, 255–266.
- ⁴⁹ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 76, л. 47; д. 84, л. 126; д. 88, л. 55.
- ⁵⁰ Там же, д. 93, л. 126, ф. 2017, оп. 1, д. 15, л. 92.
- ⁵¹ Там же, д. 7, л. 21–31.
- ⁵² Там же, д. 33, л. 41–50; д. 34, л. 24, 131–132.
- ⁵³ Всемирное братство православной молодежи «Синдесмос» было создано в 1953 г. во Франции группой молодых православных богословов.
- ⁵⁴ *Юревич Д.* Синдесмос и Санкт-Петербургские духовные школы // Христианское чтение. 1999. № 18. С. 33–35.
- ⁵⁵ *Кирилл (Гундяев), архиеп.* Указ. соч. С. 24–25.
- ⁵⁶ *Августин (Никитин), архим.* Вопросы христианского единства в деятельности Петербургской—Ленинградской Духовной академии // Богословские труды: Юбилейный сборник, посвященный 175-летию ЛДА. С. 33–61.
- ⁵⁷ Христианское чтение. 1997. № 14. С. 13.
- ⁵⁸ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 20, д. 2 доп.; оп. 10, д. 6.
- ⁵⁹ Архив Санкт-Петербургской Духовной академии, д. 34. Отчет Ленинградских духовных школ за 1989/90 г.
- ⁶⁰ Вестник Ленинградской Духовной академии. 1990. № 1. С. 4; Христианское чтение. 1991. № 1. С. 1.
- ⁶¹ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 20, д. 2 доп.
- ⁶² Архив Санкт-Петербургской Духовной академии, д. 35. Отчет Ленинградских духовных школ за 1990/91 г.
- ⁶³ Христианское чтение. 1997. № 14. С. 76–77, 138–139